

Егор Авинкин

О МОСТАХ

И О ТЕХ, КТО НА НИХ ОБИТАЕТ

(роман-путеводитель)

Егор Авинкин

**О мостах и о тех, кто на них
обитает. Роман-путеводитель**

«Издательские решения»

Авинкин Е.

О мостах и о тех, кто на них обитает. Роман-путеводитель /
Е. Авинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930110-9

Парижские бульвары и петербургские дворы. Здесь живут люди, здесь дышат
временем стены. И соединяют их лишь мосты. Отправляйся в дорогу и не
забудь путеводитель!

ISBN 978-5-44-930110-9

© Авинкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

О мостах и о тех, кто на них обитает

Роман-путеводитель

Егор Авинкин

*Луна и солнце не враждуют на небе,
И теперь я могу их понять.*

© Егор Авинкин, 2018

ISBN 978-5-4493-0110-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Солнце ползло по комнате. Оно осветило фотографии на стене и книжную полку с хаотичным набором корешков. Затем солнце добралось до большого зеркала и с его помощью завоевало ещё больше пространства. Вместе с покоробившимся паркетом осветилась и разбросанная по нему одежда. Майки, трусы и носки оставались лежать там же, где их бросили накануне, но теперь они отбрасывали длинные тени и смотрелись особенно живописно. Наконец солнце осветило кровать в углу. На кровати лежали парень и девушка, и лежали они так, словно поставили перед собой задачу находиться как можно дальше друг от друга, но всё-таки в пределах одного матраса. Мужчина почувствовал яркое солнце на своём лице и подскочил на месте, озираясь вокруг.

Проснувшийся был молодым человеком лет двадцати пяти. Мужчиной его начали называть совсем недавно и преимущественно в общественном транспорте. При желании его можно было счесть подростком и при этом оказаться не слишком далеко от истины. Взъерошенные короткие волосы, небольшая щетина на подбородке и ничем не примечательное лицо, за исключением разве что глаз, таких живых и бесшабашных, что все остальные черты благодаря им вместе образовывали весьма привлекательное зрелище.

Молодой человек схватил лежавшие на стуле наручные часы, сфокусировался на их стрелках и успокоился. Не проспал. Тогда он расслабленно потянулся, хрустнув где-то суставом, глянул на лежавшую рядом с ним девушку, но почему-то не стал задерживать на ней взгляд. Затем выключил будильник, готовившийся прозвенеть минут через десять, зевнул и спустил ноги на прохладный паркет.

На кухне тоже было светло, и свет этот, в сочетании с ароматом кофе от плиты, поднял настроение молодого человека до высот, которых оно, кажется, уже давно не достигало. Он напевал какую-то песенку, слов которой почти не помнил, и болтал тапочкой, повисшей на большом пальце ноги. Иногда он поглядывал в окно, в котором виднелся пустынный двор. Лишь несколько голубей, покачивая головами, вышагивали по асфальту.

Дело было не только в кофе и в погожем деньке. Данила, а звали его именно так, испытывал неопишное ощущение свободы. Можно сказать, что ему повезло – далеко не всем людям посчастливится испытать что-то подобное. Начать с того, что ему не нужно было идти на работу. Правда, было воскресенье, но на работу Дане не пришлось бы идти в любом случае, вне зависимости от дня недели. Второй важной составляющей счастливого дня был тот факт, что через несколько часов Даниилу предстояло покинуть свою квартиру, покинуть город и даже страну, и очутиться там, где он мечтал оказаться вот уже много лет. В финальной точке его путешествия лежал город Париж. Разумеется, о финале путешествия можно было бы говорить, если бы речь шла исключительно об авиационных рейсах. Дане подобное вряд ли бы пришло в голову. Он смотрел на Париж не как на окончание путешествия, а как на его начало, и при этом искренне верил, что путешествие окажется во сто крат увлекательней и величественней трёхчасового перелёта на самолёте. Да, всё должно было быть просто великолепно.

Вещи были собраны, выложены и снова собраны в более удобном порядке. Волосы были причёсаны, зубы вычищены, свежая рубашка прохладно льнула к телу. Не хватало лишь звука подъезжающего такси за окном и упругого ветра за окном автомобиля. Всё остальное было в порядке.

Нет, не всё. Покоя не давала девушка в спальне. Как быть с ней? Иногда в голове Дани начинала жужжать, подобно мухе, мысль о том, что сейчас он совершает не что иное, как побег. От своих проблем, от переживаний – любому иногда хочется сбежать от этого. Но и здесь приподнятое настроение выручало. Как свернутой газетой, он прихлопывал неприятную муху-мысль, говоря сам себе: «Ну и что с того, что побег. Пускай так. Побег – это лучше, чем тупик».

И в своём оптимизме был по-своему прав. Вспомнив о важном для себя деле, он рывком достал из сумки ноутбук, открыл свой блог и без запинки написал:

Начало

Для меня утро ассоциируется со вкусом зубной пасты. Так уж повелось с детства. Жгучая свежесть на языке и она же на губах и в уголках рта. И с того же детства у меня повелась привычка облизывать губы и украдкой проводить по лицу – после того, как я пришёл в школу, весь перемазанный зубной пастой

Именно этим я и занимаюсь сейчас, сидя на кухне, постукивая по клавишам и ожидая такси, которое отвезёт меня в аэропорт. Друзья, я уезжаю! И знаете, куда? Да-да, именно. В Париж. Мне уже довелось выслушать от вас все возможные доводы против. Да я и так их знаю. Любовь к Парижу банальна. Этим страдают только чувствительные барышни и клинические романтики. Особенно если речь идёт о любви заочной, по фотографиям, фильмам и книгам. Да, всё именно так. А что, кто-то сомневался в том, что я клинический романтик?

Я еду в Париж, потому что передо мной открылась дорога туда. Обстоятельства мои сложились таким образом, что не занести ногу над ней было попросту невозможно. Пожалуй, хватит. Зачем мне оправдываться? Я совершаю побег, и в том числе от этих оправданий.

Друзья, отныне мой блог становится настоящим путевым дневником. Никакого суррогата, только честные наблюдения и искренние эмоции. «По дороге в Париж и что случилось потом». Надеюсь, кому-нибудь это пригодится или хотя бы покажется интересным.

*Я не могу остаться здесь, душа моя в пути.
Всем привет. Stay tuned.*

Зазвонил телефон, такси прибыло. Даня засуетился. С лёгким сердцем он оставил на столе чашку с остатками кофе, подхватил на руки новенькую, ещё пахнущую магазином сумку с вещами, на секунду задержался в дверях спальни, бросая прощальный взгляд, и захлопнул за собой входную дверь.

От удара девушка проснулась, повела вокруг себя рассеянным взглядом и слышала лишь перестук шагов на лестнице. Вскоре они затихли.

Глава 1

Жизнь Данилы пока что складывалась самым обыкновенным образом и именно поэтому была ему в тягость. Он мог моментально назвать десяток своих знакомых, жизнь которых проходила более или менее схожим образом – различия могли заключаться лишь в цвете рубашек или количестве станций метро от дома до работы. Те же стены, те же улицы, те же слова, те же принятые и непринятые решения. Это выводило из себя. Дане хотелось чего-то неповторимого, хотелось жить жизнью настолько необычной, чтобы ей нельзя было найти аналогов среди окружающих его людей. Даня хотел, чтобы его жизнь никто не мог предсказать, в том числе и он сам.

Пока что всё шло как обычно. Даня родился в Ленинграде, но в довольно раннем возрасте переехал в Петербург, вместе с родителями и всем остальным городом. От детства в воспоминаниях остался лишь вид из окна – старинное здание напротив с декоративными колоннами и вычурными масками по фасаду. В возрасте лет пяти Даня стащил отцовский бинокль и, разглядев эти маски, испугался по-настоящему. Все они либо смеялись, либо кричали, но, несмотря на эти эмоции, они оставались холодными и отрешёнными – совсем как маска из заставки компании «Вид» по телевизору. Дане казалось, что они следят за ним сквозь тюлевые занавески своими штукатурными глазами, и не мог заснуть по ночам. Потом Даня пошёл в школу, и страхи прошли, удалившись в самую глубокую тьму подсознания.

Несмотря на то, что школьные годы оставили после себя сладкий привкус ностальгии, они прошли обычным образом, как и у большинства его сверстников, в чём он смог убедиться, лишь повзрослев. Было что-то обидное в том, что какая-нибудь школьная игра, казавшаяся если и не своим изобретением, то, во всяком случае, неотторжимой собственностью и даже интимной тайной, на самом деле бушевала с силой эпидемии во всех школах города. Но до этого осознания было ещё далеко, и Даня просто нёсся сквозь школьную жизнь, от одной перемены к другой, и наслаждался ею, хотя и не отдавал себе в этом отчёта. Болтающийся на худых плечах рюкзак, который родители по привычке называли ранцем, снежки во дворе школы после уроков и яростные драки с обидчиками как зачаточные формы мужского доминирования – к старшим классам всё это сменилось непонятными любовными переживаниями и вопросами, которые всё чаще оставались без ответа. Даня пережил и это. На выпускном он танцевал с одноклассницей, в которую был влюблён вот уже несколько классов. После этого он гулял с ней по городу всю белую ночь, под утро проводил её до квартиры, в которой последовали бурные объятия и поцелуи, чуть было не окончившиеся первым сексом, если бы не бдительная мамаша, ещё не забывшая собственный выпускной. Через два дня, когда Даня позвонил этой однокласснице, она сказала, что у неё есть парень, и бросила трубку.

Даня расстроился, но ненадолго. В то время ему в голову ещё не приходила мысль об обычности своей жизни, тогда он видел перед собой лишь открытую дорогу. Он выбрал самое очевидное направление и пять лет получал профессию, каким-то образом связанную с менеджментом. Студенческие годы были подозрительно похожи на лучшие моменты выпускного. Даня был частым гостем в студенческой общаге, особенно на женских этажах, откуда его выгоняли ночью, с взъерошенными волосами и джинсами в руках. У него появилось много друзей, которые бесследно пропали вскоре после получения диплома. Преподаватели в первое время удивляли своим безразличием по отношению к нему, но, привыкнув, Даня стал платить им взаимностью. Впрочем, сессии он сдавал неплохо и даже гордился этим немного, пока не понял бесполезность этого чувства.

Вопросов становилось больше.

Как-то утром он проснулся дома у одной знакомой с филфака, с которой познакомился за неделю до этого. Даня открыл глаза, определил, где он находится, и для начала постарался

перевернуть тёплое тело спящей девушки, придавившее его. Не просыпаясь, она уткнулась в стену с тёмно-зелёными обоями. У Дани же сон прошёл, и пора было встать, одеться и покинуть гостеприимную квартиру, так вовремя оставленную родителями на попечение непутёвой дочери. Но встать не хотелось. Не было никаких желаний. Симпатичный молодой человек лежал в просторной кровати, рядом с соблазнительной и, как ему помнилось, обнажённой женщиной, впереди было полтора дня выходных – и при всём этом он не мог заставить себя пошевелить пальцем. Он мог лишь лежать на спине и безо всяких эмоций смотреть в окно. И как ему казалось, именно вид за окном сковывает мускулы и разум, превращая его в бесчувственный манекен.

Окно находилось на Петроградке, на последнем этаже массивного, сталинской постройки, дома. Снаружи виднелись редкие ветви деревьев, с трудом дотягивающиеся до такой высоты, а вдалеке стояли серые дома, и при желании Даня мог представить их себе на ощупь – холодные, шершавые стены, всё ещё влажные после шедшего всю ночь осеннего дождя. А над всем этим нависало серое петербургское небо. Низкое, похожее на пропитанную водой вату, оно готово было упасть на город, стремясь к своей трёхсотлетней мечте – осклизло затопить его улицы и соединиться, наконец, с водой, стынущей в городских каналах. Дане пришла в голову мысль о том, что он всю свою жизнь проходил под этим небом, не обращая на него почти никакого внимания.

А венчал этот вид карниз над окном. Неожиданная мысль – как, должно быть, удобно было бы на нём повеситься и уже никогда не расставаться с этими домами и этим небом. Даня никогда не замечал за собой суицидальных наклонностей, и, пользуясь статусом гостя, эта мысль заполнила всю его голову. Как делает человек, пытающийся проснуться во время кошмарного сна, Даня резко помотал головой и потёр глаза руками. Наваждение прошло. Но небо осталось на своём месте.

Даня встал с кровати. Движением ноги он случайно уронил стул, и так с трудом соблюдавший равновесие под тяжестью всей сваленной на него одежды. Стул грохнулся на пол, больше всего шума создала металлическая пряжка ремня, брякнувшая о паркет. Девушка проснулась (когда он увидел её глаза, то вспомнил имя – Настя), улыбнулась со сна и спросила: «Уже уходишь?»

Даня не сбежал. Вместе с девушкой он сварил кофе, поболтал немного о каких-то глупостях и лишь после этого соврал о важных делах, которые ему якобы сегодня предстояли. Так и не поняв до конца, поверила ли ему Настя, он вприпрыжку сбежал по лестнице и, вместо того, чтобы отправиться напрямиком к станции метро, пошёл по лабиринту петроградских улочек, названия которых не помнил, по направлению к Троицкому мосту и от него уже в сторону дома. В лужах на тротуаре отражалось всё то же небо, и Даня с удовольствием топтал его подошвами, пока не испугался окончательно в нём утонуть.

Он не забыл об этом случае, но вскоре перестал придавать ему большое значение, списав всё на сумеречное состояние души. Однако осталась неуверенность. Он чувствовал себя словно человек, не замечающий чего-то важного, что постоянно ускользало из поля зрения и лишь тенью мелькало на его границе.

Потом настало время других забот и других, гораздо более важных решений. Он сдал экзамены и получил диплом и убедился на собственном опыте в том, что работа мечты не ждёт его за следующим поворотом. Работодатели брали его диплом в руки с очевидной брезгливостью. Хотя жаловаться Даня вряд ли имел право, поскольку он и понятия не имел, чем он хочет заниматься и какую именно работу ищет.

Куда идти? Даня впервые всерьёз над этим задумался. Его таланты и способности, хотя и были вполне достаточными, но всё же не давали однозначного ответа. Не было ни одной сферы деятельности, которая привлекала бы его больше остальных. Он представлял собой шершавый, немного помятый, но всё же абсолютно чистый лист бумаги. После окончания школы

и университета никто не заставлял его идти дальше. Он выполнил свои обязательства перед учителями, и те оставили его в покое, кто махнув рукой, а кто вздохнув с облегчением. Теперь он чувствовал себя крепостным крестьянином, которому внезапно дали волю и при этом отобрали привычный плуг.

Были попытки разобраться в своём внутреннем мире, найти наощупь правильную дорогу. Внутренний мир беспощадно молчал. Затем было несколько попыток поговорить по душам с друзьями, вытянуть из них совет, но те лишь резонно замечали: «Нам-то откуда знать, тебе виднее». Ситуация от этого не улучшалась.

Когда по прошествии пары недель отчаяние достигло предела, а родители начали коситься на него с неудовольствием, Даня решил расслабиться – просто погулять по городу. Он спустился по лестнице. Парадная выплюнула его во двор, железные ворота с презрительным скрипом выпустили Даню на улицу. Он шёл, не думая о маршруте, лишь решив, что неплохо было бы очутиться у Троицкого моста. Так и вышло. Улица Маяковского гневно посмотрела ему вслед, улица Некрасова сделала вид, что не узнала его, но всё же проводила до конца и даже помогла перебраться через бурлящий Литейный проспект. Далее его встретила улица Белинского и небрежно проводила до цирка. Здесь Фонтанка привлекла его внимание, указав путь до весело помахивающего листвой Летнего сада. Однако, наткнувшись на его неприветливую решётку, Даня повернул налево и вскоре вышел в бескрайние, дышащие суховеем пространства Марсова поля. Пройдя его насквозь, он хотел было сразу выйти на Троицкий мост, но тут его внимание привлекло золотистое пятно, расположившееся за спиной памятника Суворову. Этим пятном оказался маленький Пежо-20б, жалобно моргавший аварийным сигналом.

Левой фарой он упирался в бок грязно-белым Жигулям. Машины, двигавшиеся по площади, объезжали место аварии и немного притормаживали, чтобы их водители, как принято в подобных случаях, могли как следует всё разглядеть и авторитетно прокомментировать. Данила не хотел им уподобляться и поэтому зашагал дальше, в последний раз взглянув на золотую машинку, казавшуюся в этот момент почему-то особенно трогательной. Через минуту он уже стоял посередине Троицкого моста, опираясь на перила, и разглядывал чешуйчатую, поблескивающую на солнце шкуру Невы. Ветер бросал ему в лицо частички пепла с сигареты, стараясь попасть в глаза, а он всё думал об оставшейся на площади машине.

Сочувственные мысли по отношению к водителю – Даня был уверен, что за рулём была девушка, – сменились размышлениями о том, какой ремонт предстоит этой девушке в дальнейшем. Мысли о стоимости запчастей привели его к мыслям о стоимости всей машины. Они вяло текли в этом русле, пока он не дошёл до дома и из любопытства не зашёл на сайт официального дилера «Пежо». Там он заметил раздел «Вакансии» и через минуту уже набирал номер телефона.

Стремительнее этого мог быть только прыжок с Троицкого моста.

Даня никогда не мог понять, почему в тот день его взяли на работу. Возможно, ему удалось поразить отдел кадров своим наивным энтузиазмом, который он демонстрировал в ходе всего собеседования. Впрочем, энтузиазм был искренним, и в дальнейшем от Дани лишь требовалось его не скрывать.

Сейчас Даня шагал по полу аэропорта и сквозь подошвы ощущал его каменную твёрдость. Чемодан скрипел колёсиками позади и периодически заваливался на бок, но Даня, не глядя, одним отработанным движением руки возвращал его в исходное положение. С водителем такси он расплатился быстро, не жалея чаевых, затем выбрался из машины и с замирающим сердцем направился к зданию аэропорта.

Изнутри аэропорт напоминал зал музея, главным украшением которого служит живописное полотно невероятных размеров. Здесь же его функцию выполняло гигантское табло с расписанием вылета рейсов, и, хотя оно так же привлекало взоры почти всех находящихся

внутри, взоры эти были лишены восхищения. Кто-то поглядывал на табло со скукой, кто-то с постепенно разгорающимся раздражением, и лишь стайки детей, как всегда и везде, с радостным визгом путались под ногами у взрослых. Даня остановился посреди зала, поставив у ног чемодан и опираясь о его ручку, словно о трость. Для него это табло действительно было произведением искусства. Он читал названия пунктов назначения: Вена, Будапешт, Карловы Вары, Ларнака – и каждое из них расцветало в его мечтаниях разнообразными красками, звуками и запахами. Даже в неизвестном ему названии Гюмри слышалось что-то волшебное. Это табло было объединяло все его представления о переменах в жизни. Как будто он открыл дверь наружу из тесной и пыльной комнаты, а у порога его ждали десятки дорожек и тропинок, разветвляясь во всевозможных направлениях. Он завидовал всем пассажирам, отправляющимся сегодня в полёт, он хотел побывать на месте каждого из них, посидеть в самолётном кресле, проглотить безвкусный обед и увидеть с высоты трапа очертания незнакомого города.

Резкий толчок в спину. Даню подвинул в сторону полный мужчина, всем своим видом показывающий, что летит на отдых в Турцию. Толчок этот пришёлся кстати. Мужчина, не извинившись, удалился, но Даня уже смог сосредоточиться и обнаружил свой рейс FV-225, который и должен был волновать его в этот момент больше всего на свете. До начала регистрации оставался почти час, и он отправился осваивать новые владения, продираясь сквозь толпы туристов и с любопытством оглядываясь по сторонам.

Аэропорт не был для него незнакомым местом, он бывал здесь и раньше, но впервые он находился в новом для себя статусе путешественника. Стыдно признаться, но он впервые отправлялся в путь в одиночестве. Разумеется, он уже летал на самолёте – не так часто, как хотелось, но всё же полёты с родителями в Москву и в Анапу, случившиеся в далёком детстве, и путешествие с одноклассниками в Египет никто не смог бы у него отнять, хотя из последнего он мало что запомнил. Однако он всё же не был избалован самолётами. В аэропорту он бывал часто, но лишь для того, чтобы встретить кого-нибудь из прилетающих, будь то родители или друзья. Стоять перед открытыми воротами, ожидая, когда они извергнут на тебя поток загорелых пассажиров, подготавливая в уме стандартный вопрос «как долетели?» – этой наукой Даня владел хорошо и был сыт ей по горло. Ему хотелось, чтобы все те люди, кого он часами ждал в аэропорту, разглядывая от скуки стойку проката автомобилей, – чтобы все они сейчас собрались здесь и провожали его перед прыжком в неизвестность. Но никого из них не было. Лишь суетились вокруг него незнакомые люди, которых он никогда в жизни не видел, а если и сталкивался с ними в толпе ранее, то не запоминал их лиц. И это было к лучшему. Не было необходимости оглядываться и размышлять о правильности уже сделанного выбора.

Одного человека сейчас действительно недоставало. Она, скорее всего, ещё сладко спала в постели, не замечая его отсутствия. Впрочем, если она и не спала, его отсутствие вряд ли её волновало – этого он в глубине души боялся больше всего.

Даня нашёл место поспокойнее, где можно было бы присесть и собрать в кучу расплзавшиеся, как тараканы, мысли. Подумав, он написал e-mail:

Катя. Ну вот я и уехал. Извини, что не попрощался. Я хотел, честно, но почему-то не смог. Наверняка ты на меня обиделась за это. Я это прекрасно понимаю. Но ещё больше ты обиделась на меня за то, что я вообще уехал. Вчера мы так и не смогли это обсудить. В чём-то я виноват, в чём-то ты... Но я, конечно, больше. Поэтому и хочу объясниться. Меня мучает желание это сделать, хотя я всё это уже миллион раз объяснял тебе, а ты так и не хочешь понять. Я уже не нахожу других слов. Вот я и уехал. Наверно, именно поэтому.

Ты не замечала, как мало между нами стало слов? Раньше они лились рекой, из них можно было вить узоры и заплетать их в твои косы. Теперь слова измельчали и очерствели. Как будто мы не разговариваем, а кидаем друг в друга изюмом, не больше одной изюминки в час. А так хочется иногда получить в лицо сочной виноградиной, чтобы сок стекал по лицу...

Может быть, поэтому я и уезжаю. На самом деле, я не знаю, но эта причина кажется мне вполне достойной. Это стоит того, чтобы расстаться на неопределённый срок. Не держи на меня зла. Когда-нибудь я вернусь.

После этого он вернулся к своему блогу и начал сочинять следующую запись, прерываясь на регистрацию, паспортный контроль и посадку в самолёт.

В аэропорту

Находясь в аэропорту, испытываешь невероятное чувство в груди, словно её накачивают гелием до отказа, и подошвы всё меньше и меньше давят на землю и, наконец, небрежно повисают в воздухе. Стоишь в очередях, продираешься сквозь толпы людей, терпишь тяжесть случайно проезжающих по пальцам ног чемоданов – но тебя здесь уже нет.

Все путешествия прекрасны. Все они каким-то образом растворены в крови человека, то рассеянно щекоча артерии, а то бурно закипая в них, заставляя человека совершать поступки, ранее немислимые для него. В каждом человеке дремлет тяга к движению вперёд, за ворота, за поворот дороги, ещё за один и так до бесконечности. И бороться с этой тягой бессмысленно, а подавлять её попросту опасно – концентрация может достигнуть таких величин, что в какой-то совершенно неожиданный момент человек потеряет голову.

Путешествия на самолёте особенны, их нельзя сравнивать ни с какими другими. Скажем так, любое путешествие – это перемещение из точки А в точку В. Но если говорить о любых других видах перемещения, будь то автомобиль или поезд, такое путешествие на самом деле состоит из бесконечного множества других точек, А1, А2 и так далее, пролетающих мимо Вашего окна и остающихся где-то позади. Вы можете остановить машину, Вы можете выйти на остановке из вагона – выбрать любую из понравившихся Вам точек пути, топнуть по ней ногой, ощутить её незыблемое, никем не потревоженное существование и объять её, при желании, своей собственной, во всей её красе и естественности. Таким образом, и вся Ваша дорога становится осязаемой, живой и начинает тихо шептать свои вечные истории. Однако путешествие на самолёте – совсем другое дело. Здесь есть только две точки, отправления и прибытия, и в этом его суть. Вряд ли можно считать частью дороги эти бесконечные, захватывающие дух пространства лазури с ватной подстилкой из облаков. В небе нет дорог, и люди этого не понимают, потому что это невозможно понять. Для них взлётная полоса переходит в посадочную, правда, с некоторым промежутком посередине, который, в силу его непознаваемости, люди предпочитают игнорировать, читая газету, слушая музыку или поглощая алкоголь в метафизических количествах. Кстати, его наверняка подают именно с этой целью – человек не должен задумываться о том, что он сам, его кресло и пластиковый стаканчик в его руке – всё это находится в самом центре звенящей пустоты. Иначе он сойдёт с ума. Когда же шасси упрутся, наконец, в асфальт, человек чувствует облегчение, потому что видит в иллюминаторе знакомую, привычную для его мира картину: дома, столбы и провисшие, вечно сопровождающие путешествующего человека провода. Человек снова видит свой путь, и путь этот подходит к концу.

Данила закончил писать, когда самолёт всё ещё был в воздухе. Стюардесса забрала у пассажиров скорлупки из фольги, ещё недавно содержавшие в себе образцы авиационной кулинарии (Даня узнал, что эти скорлупки называются «касалетки»), и теперь разливала чай и кофе,

передвигаясь с тележкой по проходу. Когда дошла очередь и до Дани, он по неопытности схватил подносик, протянутый стюардессой, вместо того, чтобы взять подрагивающий на нём пластиковый стакан, тем самым чуть не опрокинув всю конструкцию на колени. В ответ на свою неловкость он получил укоризненный взгляд соседки и понимающую, но чересчур профессиональную улыбку стюардессы. Даня залился краской, убрал ноутбук в сумку, от греха подальше, и открыл шторку окна.

Самолёт летел над ровной, как замёрзшее озеро, поверхностью облаков. От света уже ничем не стеснённого солнца облака были до того белыми, что хотелось зажмуриться. Между ними и самолётом висел в воздухе дымчатый след – видимо, от другого пролетевшего здесь самолёта. Интересно, давно ли он тут летел? Как долго мог этот след храниться в этом искрящемся на солнце безмолвии? След отмечал путь их соседа по небу, неизвестного им, путь этот уходил вдаль и терялся в нагромождении облаков. А они продолжали лететь своим путём, наверняка оставляя за собой такой же след.

Париж овладевал сердцем Дани постепенно. Он не врвался, круша всё на своём пути, не сбивал с ног, не оглушал взрывом цветов, звуков и запахов. Он не спеша, как деловитый муравей, точил дорогу вглубь его души и пробирался всё глубже и глубже. Кажется, Париж был всегда. Уже невозможно восстановить в памяти ту минуту, когда он впервые о нём услышал. Да и нет смысла вспоминать. Ведь тогда это был всего лишь очередной топоним в ряду других. Урок географии в школе: Лондон, Париж, Берлин, Рим. Пятно на политической карте – Франция. Не лучше и не хуже других пятен, все одинаково далёкие от школьного класса, доски в мыльных разводах и четвёртой парты в третьем ряду, деревьев во дворе и покатых крыш за окном. Всё это было настоящим, как и набухшая от дождя мостовая, тяжёлый портфель, режущий плечи, два светофора по пути домой и ни с чем не сравнимый запах парадной. Цветные же пятна на глянцевого бумаге могли волновать не более пятёрки за их знание.

Когда же Париж стал волшебным? И этот момент канул в небытие, да и существовал ли он? Всё происходило медленно и буднично. Сначала возникали образы. Был Джо Дассен, певший что-то задорно-неразборчивое про Шанзелизе, были багеты, береты и тонкие усики на остроносом мультипликационном лице. Даня помнил свой первый багет, хрустящий и тёплый, принесённый матерью из булочной. Говорила ли она ему что-нибудь о Париже? Вряд ли. Нежная белая мякоть была познавательней любых рассказов. Была фраза «Держу пари», почерпнутая мальчишками из каких-то приключенческих книжек, которая впоследствии оказалась связанной с городом. Был дурацкий анекдот из старой газеты: «– Мои очки упали в Сену. – Это не Сена, это Луара. – Прошу прощения, не узнал её без очков». Даня не узнал бы ни той, ни другой даже в очках, но Сена была уже немного ближе совершенно незнакомой Луары – теперь он знал, что на ней стоит Париж. Была Эйфелева башня, в подавляющем большинстве случаев свидетельствующая о том, что сейчас на экране появится доводящий до слёз смеха Луи де Фюнес.

Следующим стал Париж, который подарила Дане скромная девушка по имени Амели. Зеленовато-жёлтый Монмартр, населённый трогательными людьми, и музыка Яна Тирсена заставили его обратить на Париж особое внимание. Он всё ещё оставался красивой картинкой, но теперь эта картинка приобретала объём и начинала вызывать некое подобие шемящей ностальгии. Город как будто пытался достучаться до него с той стороны экрана. Сопrotивляться этому зову уже не хотелось.

И, наконец, завершающим аккордом многолетней симфонии стала книжка в дешёвой мягкой обложке. Эрнест Хемингуэй. «Праздник, который всегда с тобой». Даня взял её с полки Дома Книги почти наугад, ему было нужно чтиво, за которым можно было скоротать те двадцать минут, проводимые обычно под землёй, в вагоне метро, по пути от дома до университета. Разумеется, он уже был знаком с Хемингуэем и вправе был ожидать, что и в этой книге его

встретят героические партизаны и немногословные тореадоры. Но он ошибся. Здесь старик, прошедший через все войны XX века, вспоминал не о них, а о своей юности, вовсе не такой героической и вряд ли достойной эпоса, но всё же горячо любимой. На третий день подобного чтения Даня не выдержал и, выйдя на станции «Василеостровская», не отправился на лекции, а засел в кофейне на Седьмой линии и стал читать. Он читал и читал, выпивая бессчётное количество чашек кофе, подсознательно подражая автору. Он перевернул последнюю страницу, когда на улице зажглись фонари, а кофейня стала наполняться праздными вечерними посетителями.

С этого момента всё изменилось. Париж больше не звал, он уже был вокруг него, хотя и немного трепетал от порывистого ветра с Невы. Теперь Даня не только видел его, он мог слышать шансонье на улице и чують аромат café-стеме из бистро вместе с запахом горящего хвороста в камине. Мелкое зерно разума пыталось шептать ему о том, что всё это уже давно кануло в Лету и что теперь Париж вовсе не тот волшебный город, каким был раньше, но сердце отвечало на это с издёвкой: «Ну так съезди и проверь».

В школе Даня учил английский язык. Английский казался языком бизнесменов и политиков – словом, людей, знающих, чего они хотят, и добивающихся своей цели. Французский, напротив, казался не языком даже, а пением. По-французски говорили поэты, влюблённые и просто творческие люди – не исключено, что такие люди даже не знают, чего хотят. Совсем как Даня.

Вскоре после того, как он устроился на работу и начал получать стабильную зарплату, Даня записался на курсы французского. На первое занятие он опоздал, задержавшись на работе, и поэтому ввалился в кабинет, когда преподавательница, молодая девушка, уже начала ознакомительную речь. На Даню она взглянула строго и немного отчуждённо, и он, смутившись и пробормотав извинения, протиснулся за свободную парту.

Екатерина Андреевна – так звали преподавательницу – была хороша. Милое, располагающее к себе лицо и приятная фигура, которую немного портил чересчур строгий костюм. Особенно же были хороши глаза. Несмотря на всю серьёзность, которую напускала на себя их хозяйка, в глубине глаз тлел огонь.

Данила всерьёз занялся французским языком. Он записывал правила, повторял заученные диалоги и очень переживал, когда ему не поддавалось какое-нибудь упражнение. Он выполнял домашнее задание, обычно на работе, когда вокруг не было клиентов и начальства. Он даже ушёл немного вперёд программы и выучил французские числительные (принцип образования которых не поддаётся никакой человеческой логике), тренируясь на названиях моделей Пежо, стоявших вокруг него. Данила делал успехи. Он был доволен собой. И только одно не давало покоя – Екатерина Андреевна действительно была чертовски хороша. То и дело он отвлекался от спряжения французских глаголов и поглядывал на свою преподавательницу. Не имея необходимости говорить, она сидела на стуле и, повернувшись профилем к группе, смотрела в окно. По правде говоря, там не было ничего интересного – грязные стены, пыльные кусты, но она продолжала смотреть, не выказывая ни малейшего неудовольствия. Даню поразило именно это спокойствие на её лице. Казалось, она видела там именно то, что хотела. Не было желания отвернуться и не было попыток изменить открывавшийся пейзаж. Спокойствие и немного мечтательная невозмутимость – от неё веяло именно этим, и для Дани это было незнакомое ощущение. Это противоречило его характеру и именно поэтому вызывало любопытство.

У Екатерины Андреевны была привычка тереть верхнюю застёгнутую пуговицу блузки. Она часто делала это, когда задумывалась, и её рука, ещё недавно подчинённая мозгу, неожиданно получала свободу действия. Слушая ответ ученика, думая над заданным вопросом и наблюдая за одной ей видимым зрелищем – она всегда тянулась к пуговице, ошупывала и покрывала её. Даня не мог оторвать глаз. Были здесь и соображения эротического

направления – казалось, вот-вот пуговица будет расстёгнута, и Даня станет на один шаг ближе к интересующему его виду. Да, было и это, ничего не поделаешь, и Даня был рад этой маленькой пикантности. Но она была всё же на втором месте. Главное было в другом. В этом жесте было что-то искреннее, что-то, что позволяло больше узнать о девушке. Ведь во всех остальных отношениях Екатерина Андреевна была суха и не эмоциональна. Может, дело было в стеснительности, но она не позволяла самой себе освободиться. Она редко улыбалась и никогда не поддерживала попыток начать разговор на более личные темы, которые в результате беспомощно повисали в воздухе. Она была сама профессиональность, закованная в непроницаемые и бесформенные доспехи. Но вот рука потянулась к пуговице – и в доспехах зияла прореха, через которую можно было увидеть живого человека.

Иногда она замечала, что Даня наблюдает за ней, тогда она отдёргивала руку и едва заметно краснела, и Дане это тоже нравилось, хотя в такие моменты он тоже смущался и старался поскорее вернуться к теме урока.

Ему всё сильнее хотелось увидеть её живым человеком. Так сказать, в естественной среде обитания. Разумеется, ему бы и в голову не пришло следить за ней до самого дома, до этого его не доводила ни одна одержимость девушкой, но после некоторых раздумий он всё же решил притаиться у моста и посмотреть, как Екатерина Андреевна будет выходить из ворот и идти по набережной, уже не отягощённая статусом преподавательницы. После очередного занятия Даня так и сделал. Он встал, облокотившись о постамент льва на мосту и закурил с независимым видом. Когда сигарета осыпалась пеплом у его ног, из ворот появилась Екатерина Андреевна. Очевидно, она двигалась привычным маршрутом, переходя набережную по направлению к мосту, где стоял Даня. Она шла, задумчиво глядя под ноги, однако на середине перехода неожиданно подняла глаза и увидела Даню. Она смутилась и на долю секунды шаг её замедлился. Дане захотелось кивнуть ей приветливо и придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение своему нахождению здесь, но не пришлось – Девушка неожиданно приветливо улыбнулась и подошла к нему вплотную.

– Даниил, вы делаете успехи. У вас есть талант к языку.

– Спасибо, стараюсь, – пробормотал в ответ Даня. Теперь была его очередь смутиться. Это ему не понравилось, и он постарался разбавить ситуацию шуткой.

– А вы всегда пешком домой ходите? А то я как раз машины продаю, мог бы скидку сделать.

Она рассмеялась.

– Нет, спасибо, я даже водить не умею. Обычно на автобусе езжу, но в такое время года стараюсь ходить пешком.

Неожиданно у Дани вырвалось:

– А можно я вас провожу?

– Даниил, я не думаю, что... Ну, просто так не положено, по работе...

– Ну что ж, тогда нам придётся обсуждать французский язык!

Теперь он снова чувствовал себя хозяином положения.

– Давайте, – улыбнулась Екатерина Андреевна.

Улыбаясь друг другу, они ступили на мост.

Глава 2

Когда дверь захлопнулась, глаза Кати распахнулись с той же силой. Какое-то время она без выражения смотрела в потолок, провожая взглядом трещины на штукатурке и комочки паутины, покачивающиеся на дореволюционной лепнине. Она сразу почувствовала, что рядом с ней, на кровати, никого нет. Проще было бы протянуть руку и пощупать, но она перевернулась на другой бок и, как и ожидала, увидела лишь продавленную подушку.

Она помнила, что Даня сегодня уезжает, но держала этот факт так глубоко внутри, что не очень-то и верила в него. Даже когда вчера они ругались, а Даня одновременно с этим собирал свою сумку, она не задумывалась на самом деле об его отъезде. Её больше волновало то, что он её оставляет одну. Да и это вызывало возмущение лишь на инстинктивном уровне – на самом деле возможность побыть одной была сродни одному из родительских запретов из детства – хотя она и пугала, но всё же была притягательной и привлекала куда больше, чем обычная для Кати совместная жизнь. Она боялась в этом себе признаться и даже стыдилась этого немного, но ей хотелось побыть некоторое время одной и пожить для себя. Увидев рядом с собой пустую подушку, она испугалась, словно до конца не верила в то, что Даня уедет. Однако, повернувшись на спину и растянувшись во всю ширину кровати, Катя неожиданно для самой себя решила, что она не против такого жизненного поворота. Да, одна, но нет – не одинока.

Приятные мысли запорхали в голове, услужливо доказывая безбедность её положения. Действительно, ничего ужасного не произошло. В целом, жизнь и не изменилась. Будет та же работа, та же Данина квартира, которую он по-джентльменски предоставил ей и которую Катя уже успела полюбить за те три года, что они прожили здесь вдвоём. Она лишилась близкого человека, но что она приобрела за этот счёт – в этом ещё предстояло разобраться. Катя решила заняться этим сразу после неспешного завтрака и в следующую же секунду её одолела блаженная воскресно-утренняя дремота.

Глаза вновь открылись уже в ближе к двенадцати и смотрели на мир без былого благодушия. Как это часто бывает в Петербурге, солнечное утро сменилось серою неопределённостью дня, и чётко очерченные тени растворились на поверхности стены. Катя почувствовала, что ей необходимо сейчас же встать, иначе ещё через минуту, проведённую в постели, у неё заболит голова. Она спустила ноги на прохладный паркет, пощупала его, как будто в первый раз, и без всякого удовольствия отправилась в ванную.

Душ придал ей немного вымученной бодрости. Когда Катя вышла из него, она посмотрела в зеркало. Катя никогда не любила разглядывать себя, наперекор всем стереотипам о женщинах. Она относилась к зеркалу, как к инструменту, используемому в обычных процедурах, и не более того. Мельком бросить взгляд, подправить мелкие детали, не соответствующие представлениям о внешнем виде женщины – никакого удовольствия от этого Катя не получала. И уж тем более не воспринимала эти меры как ритуал или таинство. Сказать по правде, Катю мало занимал её внешний вид. Она знала, что выглядела неплохо, умела исправлять ситуацию в экстренных случаях, но никогда не пыталась сделать себя более красивой, чем была на самом деле. С её работой ей было противопоказано быть чересчур привлекательной.

Но сегодня было воскресенье. Она была одна во всей квартире, и сегодня ей хотелось немного расслабиться и побыть – нет, не собой, собой она была всё это время – ей захотелось побыть кем-то другим. Поэтому она и стояла перед зеркалом и разглядывала своё тело, всё в капельках воды. Они не спеша прокладывали свой путь вниз, стекая с мокрых волос на плечи, а оттуда – по груди, собираясь на сосках, по спине, приятно щекоча позвоночник, по животу, по ногам и, уже окончательно удовлетворённые, ложились у её ног на кафельном полу.

Слово, которое лучше всего подошло бы для описания девушки в зеркале, было «очаровательная». Карие, широко распахнутые глаза глядели немного исподлобья и с каким-то засевающим в самой глубине вопросом. Катя привлекала многих молодых людей, но, когда они наконец осмеливались подойти к ней, именно этот вопрос смущал их в самый последний момент, и именно из-за него все тщательно разработанные стратегии знакомства рассыпались в прах. Глаза её можно было бы назвать живыми, если бы в них не было той остекляющей грусти, с которой Катя обычно смотрела на окружающий мир. Сама Катя не знала о своём воздействии на неокрепшие юношеские умы. Её иногда удивляла та поспешность, с которой обладатели этих умов старались ретироваться от общения с ней, но не задевала сильно. Она всего лишь приняла к сведению, что с ней что-то было не так, и продолжала жить как жила. Можно было бы сказать, что она смирилась, если бы она не придавала этому столь малое значение. Её голова была занята всегда чем-то другим. На парней она смотрела редко, мало кто мог привлечь её внимание, а если кому-то это всё же удавалось, Катя не подавала виду и держалась настолько задумчиво и безразлично, что вскоре действительно забывала о его существовании.

Теперь она смотрела на себя и вопрос о собственной привлекательности, должно быть, впервые всерьёз возник в её голове. Более того, он тут же получил ответ. Она ощущала чувственность, на которую было способно это тело, и эмоции, на которые было способно это лицо. Катя почувствовала, что может служить объектом фантазии мужчин. Опробовала это чувство на вкус, и ощутила незнакомую прежде сладость. Она провела рукой по плечу, затем по груди, собирая в ладонь согретую собственным телом влагу.

Запахнувшись в халат, Катя вышла из ванной. Продолжая с отсутствующим видом вытирать голову полотенцем, она заварила себе кофе. Курила она редко, и не потому что заботилась о своём здоровье, а просто потому что забывала это делать настолько часто, чтобы считаться полноценной курильщицей. Однако каждое воскресенье по её распорядку дня должно было начинаться именно с кофе и сигареты. Воскресенье располагало к определённой небрежности по отношению к собственной жизни. Катя не любила воскресенье. И не потому, что оно всегда отравлено понедельником. Ещё в детстве ей пришла в голову одна простая мысль – если в воскресенье Бог отдыхает, то что же тогда происходит с миром в его отсутствие? Очевидно, ничего хорошего. Воскресенье казалось ей зловещим временем, противоречием всей человеческой деятельности. Всю неделю люди стараются, трудятся и вдруг – замирают, даря своей врождённой лени очередной еженедельный шанс. Даже суббота была не так ужасна в её понимании, в субботу можно было совершить что-нибудь полезное хотя бы по инерции. Но воскресенье было временем подведения итогов, а подводить итоги Катя терпеть не могла. Это всегда переходило либо в самоедство, либо в ленивую депрессию – эти два состояния были ей свойственны, и именно поэтому она их терпеть не могла.

Однако сегодня подведение итогов проходило на удивление безболезненно. Возможно, это происходило потому, что теперь Катя больше думала о будущем, практически оставив прошлое за поворотом.

Разумеется, ей будет не хватать Дани. Но уж лучше не задумываться, будет ли это происходить от настоящей любви или просто из-за привычки, выработанной за три года совместного проживания. Дело даже не в этом. Им обоим пойдёт на пользу побыть отдельно друг от друга, учитывая их взаимоотношения за последнее время. Возможно, они устали друг от друга. Во всяком случае, Катя точно устала, и теперь ей требовалась пауза, передышка, проведённая в спокойном и уютном месте.

Если уж говорить о неприятном, то осталась обида на то, что ею так легко пренебрегли. Тем более обидно то, что ею пренебрегли ради цели, совершенно Кате непонятной.

Она уже бывала в Париже. Она не любила этот город. Париж казался ей слишком грязным и слишком шумным. На улицах было много людей, которые слишком много и слишком громко

разговаривали друг с другом. В нём было много туристов, да и сами парижане не оправдывали надежд, сформированных книгами и фильмами. Никто из них не был похож на Алена Делона.

Именно поэтому Катя смирилась со своей несовместимостью с Парижем и старалась не поднимать эту тему в разговоре. Смирение далось ей нелегко. А разговоры продолжали возникать, как бы Катя их не избегала. Это объяснялось очень просто – Катя работала преподавательницей французского языка. В своё время она закончила филологический факультет. Сначала подрабатывала мелкими переводами, потом устроилась на курсы, где и учила французскому языку всех желающих. Удивительно, но больше половины её учеников стали такими именно из любви к Парижу. Сначала восхищение Лувром, Сакре-Кёр и уж тем более Эйфелевой башней вызывало лёгкое раздражение, а потом Катя привыкла и научилась деликатно улыбаться восторгам учеников.

Даня был как раз таким. Цитировал Хемингуэя, сыпал звучными названиями улиц и даже частенько перекусывал багетами. Катя познакомилась с ним именно там, на курсах. Он пришёл изучать французский язык с нуля и попал в группу к Кате. Она обратила на него внимание сразу, как только он вошёл в кабинет. Что и говорить, он выделялся на фоне остальной группы, состоящей в основном из женщин средне-неопределённого возраста, мечтающих познакомиться с французским миллионером, и пятнадцатилетних отличниц, которым было мало школьной программы и хотелось посвятить свой досуг всё той же учёбе. На первое занятие он опоздал и ввалился в класс, когда Катя говорила своё вступительное слово для начинающих изучать иностранный язык. Она хотела строго покоситься на нарушителя спокойствия, как поступают обычно все чересчур серьёзно настроенные молодые учительницы, но, столкнувшись с ним взглядом, не смогла выдать из себя множество раз отрепетированную гримасу, и вместо этого улыбнулась в ответ на его улыбку. Её покорило то, что он смотрел на неё не как на учительницу и даже не как на симпатичную девушку. Даня посмотрел на неё так, будто никогда ничего подобного в жизни не видел, и этого оказалось достаточно для Кати. Во время занятия она неосознанно бросала на него взгляды, пока он не видел, и отмечала про себя все детали его внешнего вида, тоже неосознанно – его одежда, его причёска, даже его ручка. Нестерпимо захотелось увидеть и его обувь, так, для полноты картины, однако этому препятствовала равнодушная деревянная парта. Катя с трудом дождалась конца пары, чтобы Даня, наконец, встал со стула, и её обзору уже ничто не мешало бы. Ботинки как ботинки, коричневые, когда-то щегольские, сейчас уже потёртые, но, очевидно, всё ещё любимые. Почему-то именно они запомнились Кате лучше всего, и когда через несколько дней Даня снова входил в кабинет, на этот раз без опоздания, она первым делом бросила взгляд именно на его ботинки, чтобы убедиться – да, это именно он. Их поскрипывание по линолеуму она узнавала, когда он ещё шёл по коридору.

Из сумочки доносился зуд телефона, и от его вибрации лежавшая рядом связка ключей нетерпеливо дребезжала. Громко работал телевизор, по улице ездил машины. Квартира была наполнена шумом и звоном. Катя продолжала сидеть на кухне, она не хотела шевелиться. Ей хотелось быть обычным предметом мебели, спокойным и безучастным, как стол или диван, и сохранять гордую неподвижность. Но окружающий мир не оставлял ей такой возможности, своим водоворотом он хотел подхватить Катину тело, и унести её куда-то вдаль, беспорядочно швыряя из стороны в сторону, против её воли. Суэта не желала оставлять девушку в покое, и Катя чувствовала себя загнанной в угол. Выход был один, через дверь, за ней была свобода, за ней была тишина. Не тишина даже, а ощущение собственной ненужности, которого Катя сейчас жаждала больше всего. Она не хотела ни с кем разговаривать. Она хотела молчать и слушать собственные мысли. Ей необходимо было очутиться в самом центре безразличного города, не требующего ничего и лишь провожающего её равнодушным взглядом окон. Всё это было там, за дверью, и Катя решительно встала и вышла наружу. Телефон она оставила на столе.

Переулок, на котором стоял их дом, был тихим и пустынным, словно жители города уже забыли о его существовании, а если и видели иногда, проезжая мимо, то воспринимали лишь как декорацию, необходимую для антуража, а не как улицу, на которой живут живые люди. Однако они здесь жили, хотя возможно, и сами считали себя лишь атрибутами петербургского пейзажа. По настроению эта улица напоминала антресоли, куда обычно складывают ненужные, уже отслужившие своё вещи, где они пылятся в своей неподвижности и всё же продолжают существовать, хоть и незаметно для окружающего мира. Пыльной была мостовая, пыльными были машины у тротуара, и даже окна домов были такими пыльными, словно в последний раз их омывало водой во время бушевавших здесь некогда наводнений. Пыльными были и люди, изредка выходявшие из своих квартир, чтобы вдохнуть болотистого воздуха, однако глаза у них всё же были живыми.

Переулок, называвшийся Дровяным, шёл от реки Пряжки до канала Грибоедова, и был до того прямой, словно насмеялся над неспособностью воды найти более короткий путь. Катя вышла из парадной и повернула налево, к каналу. Её каблуки приглушённо стучали о старый асфальт. Когда Катя, наконец, дошла до канала Грибоедова, она снова повернула налево и пошла вперёд, не задумываясь над маршрутом, но всё же неосознанно придерживаясь извилистой линии воды, прорезавшей город под самыми непривычными углами. Где-то за домами слышался шум машин и людей, сновавших по прямой, как стрела, Садовой улице, но Катя предпочитала идти вдоль реки, больше доверяя воде.

Она шла по набережной, в тени деревьев, аккуратно переступая через стыки гранитных плит. Она хорошо знала этот маршрут и любила его. Они часто гуляли здесь с Даней, обычно молча, лишь слушая дыхание друг друга. После переезда они гуляли так почти каждый день и возвращались домой ближе к полуночи. Позднее такие прогулки становились всё более и более редки, и неизвестно, что было причиной этого, то ли приелся хоть и завораживающий, но всё же несколько однообразный пейзаж, то ли надоело общество друг друга. Прогулки сменились другими развлечениями, походами в кино или посиделками с друзьями в каком-нибудь кафе или баре, как будто они бежали от тишины и бежали от всегда переменчивого неба над головой.

Теперь она шла одна и испытывала удивительное чувство, смесь удовольствия от окружающей рукотворной красоты и неудовлетворённости от того, что она не могла объять эту красоту всеми своими чувствами. Зрения было мало, для полного наслаждения хотелось подключить и слух, и осязание – она несколько раз проводила рукой по шероховатой ограде набережной, но и этого оказывалось недостаточно. Ей казалось, что она не получает всего, что она могла бы получить от окружающего города. Что-то подобное испытывает человек, который по всем показателям должен быть счастлив, однако какая-то невидимая стена словно мешает подняться на эту последнюю, верхнюю ступень истинного блаженства.

Канал Грибоедова продолжал течь по своей причудливой траектории. Хоть и заключённый в свой гранитный футляр, он продолжал доказывать превосходство над городом, вынужденном подстраиваться под его берега. С канала всё и начиналось. Здесь на одном из его самых крутых и живописных поворотов находился институт, где проходили курсы французского языка. Здесь преподавала Катя и здесь она познакомилась с Даней. Здесь он ждал её возле моста, опираясь о льва, у которого никогда не сводит челюсти, и подбегал к ней, когда она выходила из ворот. Отсюда он сначала провожал её до метро, потом, когда она стала поддаваться его натиску, сопровождал её до какой-нибудь кафешки на Невском, где они пили кофе. А оттуда, когда уже начинало темнеть, он провожал её пешком до дома на набережной лейтенанта Шмидта, где она тогда жила с родителями. А поскольку путь туда был не близкий, Катя и Даня успевали наговориться вдоволь, и когда они сворачивали с по-морскому ветреной набережной, очерченной силуэтами кораблей и кранов, в маленький двор, в глубине которого

находилась Катина парадная, им оставалось лишь целоваться, чтобы придать смысла наступившей тишине. Потом Даня убежал, а Катя поднималась к себе, садилась на кухне и пыталась разобраться в контрольных, которые сдали ей ученики, однако мысли путались, и даже самые элементарные французские слова вылетали из головы. А родители продолжали заходить на кухню и участливо спрашивать: «Доченька, уже поздно, ты почему не спишь?»

На занятиях Даня вёл себя безупречно. Более того, он действительно был увлечён французским языком и задавал множество вопросов Кате по поводу французской грамматики, на которые ей приходилось искать ответ, одновременно с этим пытаясь догадаться, куда они пойдут сегодня вечером и пойдут ли вообще. Эти отношения смущали её, они казались ей постыдными. Она думала, что остальная группа уже всё знает и обсуждает это за её спиной. А вдруг он всё им рассказал? Но нет, Даня хранил молчание. Каждый вечер после занятия он внимательно следил, чтобы остальные разошлись по домам и тогда снова возвращался к мосту, на своё излюбленное место.

Прошёл почти месяц, когда Даня, наконец, позвал её встретиться не после занятий, как преподавательницу, за которой он ухаживает, а просто так, как свою девушку. Они пошли в какой-то клуб, где должны были играть его друзья, и сидели за шумным столом, покрытым сигаретным пеплом и пролитым пивом, окружённые компанией шумных, но весьма дружелюбных приятелей. Даня и Катя много смеялись, в то же время держа друг друга за руки под столом. Если их спрашивали, где они познакомились, они говорили: «На курсах французского», – не вдаваясь в подробности. Им было хорошо. Гремели аккорды, люди улыбались друг другу, табачный дым щипал нёбо, а их ладони стискивали друг друга всё с большей силой, словно пытаясь стать одним целым.

На углу набережной канала и Гороховой улицы Катю неожиданно окликнули. Она обернулась и увидела радостно спешащую к ней подругу Лизу.

– Привет! – зашебетала она. – Я тебе всё утро звоню. Ты почему трубку не берёшь? Я ж думала, не случилось ли чего?

– Да нет, всё нормально. Просто телефон дома забыла.

– А куда направляешься? Слушай, а что твой Данька, уехал всё-таки?

– Уехал, – сказала Катя и совершенно некстати шмыгнула носом.

Лиза подхватила её под локоть.

– Ну-ка, дорогая, пойдём, кофе выпьем, ты мне всё расскажешь. Ты ведь никуда не торопишься? Очень удачно тебя встретила, как раз в Zoom собиралась, идём.

Глава 3

Сначала казалось, что жизнь налаживается, будто складывается из кирпичиков крепкий и добротный дом. Даня мог позволить глядеть вокруг себя с небрежным добродушием. У него была работа, которая приносила деньги, и очень неплохие деньги для человека, лишь только закончившего институт, и он погрузился в эту работу с головой, жадно осваивая новые для себя навыки. Ему казалось, что он делает первые шаги по дороге – до того прямой и гладкой, что он может разглядеть её конец. Восторг, в котором он пребывал из-за этого почти постоянно, с лихвой окупал то, что от самой работы он этого удовольствия не получал.

Впрочем, нет. Когда он продал свой первый автомобиль (сам, без чьих-либо подсказок, сумев очаровать немолодую пару, выбиравшую машину в кредит), автосалон неожиданно осветился солнцем, которое ещё за секунду до этого пряталось за облаками. Лучи проникли внутрь помещения через стеклянные стены и зарезвились на лакированных кузовах. Во всяком случае, эти два события остались накрепко связанными в его памяти. Остаток дня он не мог спокойно сидеть на месте и фланировал по салону, жадно выискивая ещё одного клиента. Ему хотелось закрепить успех, хотелось продать всё, что было в поле его зрения, и как можно дороже. Ему хотелось быть лучше всех. Как обычно бывает в таких случаях, первый успех заставил его поверить в собственную уникальность и поглядывать на собственных более опытных коллег с высокомерием. «Может, у меня действительно талант?» – думал он. Коллеги добродушно посмеивались за его спиной.

Эйфория прошла довольно быстро и болезненно. В последующую неделю он не нашёл новых покупателей, хотя старался изо всех сил. Кто-то вежливо его выслушивал, а кто-то сразу отмахивался, обрывая его словами «Да нет, я просто смотрю». Позже он научился отличать потенциальных клиентов от людей, ожидающих из ремонта свою уже давно купленную машину. Первые были всегда строги, подтянуты и внимательны к деталям, в то время как вторые разглядывали автомобили с мечтательным видом и были склонны к поглаживанию кожаной обивки сидений.

Пока же он справлялся с разочарованием как мог. Он скачал из интернета несколько пособий для начинающих менеджеров по продажам и теперь изучал их за рабочим компьютером. Перед зеркалом в туалете он тренировал свою улыбку, а галстук поправлял так часто, что это движение рукой вошло у него в неотторжимую привычку. Это не очень помогало приманивать покупателей, но позволяло чувствовать себя профессионалом.

Через неделю, когда Даня готов был отчаяться, в салон пришли муж с женой и почти сразу согласились купить маленькую машинку ярко-жёлтого цвета. Муж подписывал документы и оглядывался на жену, которая стояла у него за спиной, с победоносным видом скрестив руки на груди. Когда все процедуры закончились, Даня не испытал восторга, он лишь почувствовал удовольствие от проделанной работы. В этот момент он понял, что заманивать клиента не имеет смысла – если уж он решил купить машину, то он её купит – важно лишь поддержать его в этом решении.

Необходимо было менять себя, и непременно к лучшему. Следующим шагом после изучения французского Даня решил заняться покупкой автомобиля – для себя. Было в этом какое-то детское тщеславие, но какой взрослый, если признаться честно, не подвержен такому тщеславию. Вырваться из людского потока троллейбусов и автобусов, ощутить свободу, подчиняющуюся нажатию педали – и почувствовать на себе признательный взгляд Кати.

Этот автомобиль приглянулся ему своей вызывающей невзрачностью. Он стоял у них на стоянке, среди других подержанных автомобилей, и даже среди них казался старым и потрёпанным. Пежо-406, 1997 года выпуска, с пробегом более трёхсот тысяч километров, он мог бы

оставаться на стоянке вечно в ожидании покупателя. Хотя он, кажется, никого и не ждал. Он был слишком горд для этого.

Автомобиль поставили рядом с окном Дани, чуть ли не уперев в него багажником. На первом же перекуре Даня подошёл к нему, чтобы заглянуть ему в «лицо». Автомобиль взглянул на него хитро прищуренными фарами. Даня докурил сигарету, ещё минуту подумал и пошёл договариваться о покупке. Машину оформили в кредит, с определённой скидкой, как для сотрудника автоцентра. При этом Даню честно предупредили о том, что состояние у машины плачевное и потребует изрядных затрат, но вся эта информация в Даниной голове смешивалась с восторженным фоновым шумом.

Внешне автомобиль выглядел хуже, чем внутри, но Даня решил ничего не менять, немного из жадности, но основной причиной было уважение к своему новому другу, который хоть и был младше на несколько лет, по степени насыщенности своей жизни опережал Даню. Мелкие сколы краски на капоте и дверях, протёртый руль и сигаретные ожоги на велюровой обивке салона воспринимались не как дефекты, а как часть биографии, как благородные шрамы, которые не следует прятать, а которыми необходимо гордиться.

Дорога на работу и с работы доставляла ему такое удовольствие, будто он в своё время совершил подвиг и теперь пожинает плоды славы и всеобщего уважения. На светофоре он поглядывал на водителей в соседних рядах – оценивают ли, завидуют? В таких случаях он отчаянно косил глаза, всегда готовый изобразить лицо независимого и уверенного в себе человека. То, что его машина была далека от совершенства, его вряд ли смущало. Его распирало от гордости за самого себя, а не за машину. Дане нравилось быть вовлечённым в сам процесс вождения. Он словно бы попал в особую касту, в высшую лигу. Больше он не безликий пешеход, идущий безо всякой цели – дикарь, по сути, не имеющий никакого представления об упорядоченном движении. Теперь он – единица этого движения. Он один из многих, едущих рядами, друг за другом, останавливающихся и трогающихся по сигналу светофора и не забывающих моргнуть аварийкой в качестве благодарности.

Даня с удовольствием разъезжал на машине даже тогда, когда в этом не было острой необходимости. Он с радостью отзывался на все просьбы родственников и друзей. Встретить в аэропорту, помочь довести что-то громоздкое – Даня был тут как тут и распахивал заднюю дверцу своего Пежо. Теперь вместо прогулок он катал Катю на машине, всегда вызываясь встретить её после занятий. Целоваться, сидя в машине, было намного уютнее. Он приезжал даже раньше назначенного времени и в ожидании Кати либо сидел в машине и слушал музыку, либо обходил машину кругом и с озабоченным видом пинал крышки, проверяя, достаточно ли они накачаны. В обоих случаях он делал слегка демонстративно, тайно восхищаясь самим собой. О, как в такие моменты ему хотелось, чтобы его увидел кто-нибудь из знакомых – желательно, кто-нибудь из бывших девушек. На такие случаи у Дани были заготовлены и отрепетированы фразы «Да, моя», «Да, ежу» и особо убийственная «Извини, мне сейчас некогда». К его сожалению, бывшие девушки и не думали появляться – видимо, занятые более важными делами. Тогда Данила ещё не был знаком с тем законом жизни, согласно которому бывших девушек встречаешь именно тогда, когда, одетый в треники и тапочки на босу ногу, выносишь мусор во двор.

Однако шло время. Лучше всего оно умеет превращать человеческие чувства и ощущения в скуку. Всё проходит через эту мясорубку времени – счастье, ненависть, привязанность, отчаяние, – однако на выходе всегда получается одно и то же – скука. Увлечение становится обязанностью, любимая вещь – безделушкой, яркие воспоминания покрываются серой плёнкой, а каждый автомобиль, свободно летящий по дороге, рано или поздно встанет в пробку.

Скорость передвижения снизилась до минимально возможной, вместо свежего ветра в открытое окно били пары бензина, и даже милостивые девушки в соседних машинах сменились неопрятными мужиками среднего возраста. Машина начала ломаться, бензин продолжал

дорожать. В Даниле росло раздражение – и росло до тех пор, пока, в соответствии с законом времени, не сменилось безучастностью, оцепенением. Данилу догнала рутина. Автомобиль, пробки и бензин – всё это стало неотторжимой частью его жизни, которая уже не могла вызывать ни положительных эмоций, ни отрицательных. Только скуку.

От дремоты его пробудил неприятный сигнал – почему-то во всех самолётах звук у него всегда одинаковый, призванный симитировать звон колокольчика, но при этом совершенно неживой и механический. На табло загорелся сигнал «Пристегните ремни», и стюардессы теперь шли по проходу, материнским взглядом проверяя его исполнение. Даня помотал головой и зевнул в ладонь. Даже салон самолёта, ещё недавно вызывавший такой восторг, теперь казался тоскливо-знакомым. Однако за окном лежали изумрудные луга и пшеничные поля, словно нарезанные кубиками, с зеркальцами озёр и прудов – это не могло не наполнять грудь радостным предчувствием. Остатки сна выветрились из головы, и теперь Даня слушал объявление пилота, которое, несмотря на безучастный тон, подчёркивало торжество момента.

Самолёт действительно приближался к Парижу. Данила смотрел в окно на невыносимо неподвижное крыло самолёта и представлял его граммофонной иглой, высекающей музыку из кружащейся под нею земли. И он напрягал слух, силясь услышать музыку.

Самолёт пошёл на посадку.

Глава 4

– Значит, уехал? Вот мудака. Нет, ты уж извини, я всё понимаю, но... Ну ведь действительно мудака!

– Да нет, ну что ты, – вяло протестовала Катя. – Он не... такой. Он просто..., – она пошевелила пальцами в воздухе, – легкомысленный.

– Ну и что с того, что легкомысленный? – бушевала Лиза. – Я небось тоже не Лев Толстой, но я ведь любимых-то не бросаю! Ну, вернее... – тут она хихикнула, – бывает, конечно... Но не до такой же степени.

– Ну да, не очень красиво поступил, – пробормотала Катя, в душе радуясь найденному компромиссу. – Ну что теперь говорить...

– Вот именно, и говорить не о чем. Бросай его и забудь вообще о нём.

– Ну как же я его брошу, если это он от меня уехал, – рассмеялась Катя. Ситуация из трагической начинала превращаться в комическую. – Это ведь он меня бросил. Мне что же, нужно его догнать и самого бросить?

– Чтоб его там в Сену кто-нибудь бросил.

Девушки сидели в кафе «Zoom» на Гороховой. Заведение пользовалось популярностью, и девушки сами удивились, когда обнаружили там свободные места. Это кафе было известно среди тех людей, которых называют творческими, не находя более подходящего названия. Катя и Лиза как выпускницы филфака не могли оставаться в стороне от этой тенденции и поэтому часто сидели там, раньше после пар, теперь после работы. Более того, там запросто можно было встретить преподавателя, который только что стоял за кафедрой и читал тебе лекцию. Филфак, несмотря на значительное расстояние до него, любил Zoom, и тот отвечал ему взаимностью. Все стены здесь были заняты полками с книгами и журналами вроде «Esquire» и «Собака.ру». Даже счёт подавался в книгах, как закладка. И так называемые «творческие люди» могли обуздать здесь не только физический голод, но и духовный. Если же задачей было общение с себе подобными, то к услугам посетителей предлагались шахматы, шашки и «Эрудит». Со временем место стало легендарным и обросло собственной мифологией, а также шлейфом из постоянных посетителей и тех, кто считал своим долгом посетить место, которое посетило остальное прогрессивное человечество.

Девушки выбрали столик, который стоял на небольшом возвышении у окна, с видом на ноги прохожих, шагающих по Гороховой улице, и заказали по чашке кофе. Приближалось время обеда, но Кате не хотелось есть. «Надеюсь, хоть к вечеру проголодаюсь», – подумала она, – «Не хватало ещё умереть от голода и тоски».

– Ну и что с тобой делать?

Катя опустила глаза.

– Не надо со мной ничего делать. В смысле, со мной всё хорошо.

– Да уж, конечно! Просто замечательно. Смотри, не помри от такой радости.

Катя улыбнулась этому совпадению мыслей.

– И не собираюсь, – она постаралась создать образ сильной женщины, которая сама и с честью справляется со своими проблемами, – подумашь... Мне-то что.

– Ну да, – протянула Лиза и невпопад добавила:

– Только ты всё равно не бери в голову.

– Не буду. А ты чем сегодня занимаешься? – Катя постаралась сменить тему.

– Да так, бегаю. У одного моего знакомого друг приехал из Германии. Вот, надо было город показать. Начали, естественно, с Эрмитажа. Меня решили позвать. Ты же знаешь, как я люблю Эрмитаж...

Катя не знала этого и даже засомневалась, не сарказм ли это, но на всякий случай кивнула.

– Ну вот, за пару часов по Эрмитажу пробежались. А когда вышли, Уткин его в Артиллерийский музей потащил. Нашёл куда, немца-то. На танки смотреть. А мне-то что там делать?

– А здесь ты что делаешь?

– Мы договорились в «Веранде» встретиться, немец нас угостить хотел. Кстати, его Курт зовут. Ничего такой, нормальный. Ну вот, решили в ресторан сходить, но пока они ещё там посмотрятся, придут... Я вот решила прогуляться. Так и думала, что тебя встречу. Всё-таки беспокоюсь за тебя.

– Ну ладно, хватит, – отрезала Катя. Забота Лизы всегда сочеталась с жалостью, а жалеть себя Катя не хотела. – Я же говорю, всё со мной хорошо.

– Ну а дальше-то что?

Катя сделала вид, что впервые над этим задумалась.

– Не знаю. Посмотрим, как сложится. Он ведь неплохой человек, в сущности...

– Всё ясно, – Лиза кивнула, – ждать будешь. Так?

Разговор становился всё более и более неприятным.

– Посмотрим.

– Ну смотри, тебе виднее.

Лиза помолчала, отчего Катя напряглась ещё больше – это было несвойственное для подруги состояние. Затем Лиза снова пошла в наступление, только на этот раз постаралась действовать хитрее.

– Так вот, этот немец. Он приехал на несколько дней и снял квартиру где-то на Литейном. Хочет сегодня устроить вечеринку... Вернее, идея-то была нашей, но суть не в этом. Он обрадовался, разрешил звать всех, кого захотим. Уткин в этой хате был, говорит, что она гигантская. Бывшая коммуналка, вроде бы. Так вот, может, зайдёшь? Мы с тобой выпьем, поболтаем. Расслабишься, потусуешься. Ты же вон какая бледная. Ну как, придёшь? Давай, должно быть здорово.

Кате стало смешно. Её подруга так любила тусовки, что считала их лекарством от любых бед. И в чём-то она была права. Во всяком случае, многие проблемы в жизни Лизы решались именно на различных тусовках. Правда, зачастую проблемы порождались предыдущими тусовками, но она относилась к этому по-философски. Так она находила новых парней и бросала старых, заводила полезные знакомства, и круг этих знакомых, интересных и не очень, постоянно ширился. Даже работу себе Лиза нашла на игре в «мафию» – смогла очаровать своего будущего начальника. Не говоря уж о бесшабашном веселье, которого душа Лизы требовала ежечасно. Его было хоть отбавляй, и даже если Лиза кокетливо делала вид, что устала и хочет отдохнуть, любой телефонный звонок, хоть немного интригующий, мог вырвать её из одного конца города в другой.

– Ну что ты улыбаешься? Придёшь ведь?

– Да я... у меня вообще-то другие планы были...

– Понятно. Не буду на тебя давить, ты у нас девушка тонкой душевной организации, тебе это противопоказано. Но если что, звони, мы будем ждать. Поверь мне, это именно то, что тебе сейчас нужно. Всё, всё, умолкаю!

Несмотря на то, что быть в большой, шумной и преимущественно незнакомой компании ей сейчас хотелось меньше всего, Катя была тронута. Подруги отличались по характеру и, так сказать, общему настрою, но они всё же были привязаны друг к другу, хотя и непонятно чем. Всё же они удачно дополняли друг друга. Лиза могла увлечь Катю за собой в водоворот событий, а Катя утешала подругу, вынырнувшую из этого водоворота в очередной раз с разбитым сердцем. Но теперь ситуация отличалась от привычной, ведь всё было наоборот, и девушки чувствовали себя немного неловко. Лиза решила действовать по привычному для неё сценарию

и так, как ей удавалось лучше всего. Она принялась рассказывать о вчерашнем концерте модной группы, выступавшей в хипстерском клубе, о котором Катя услышала впервые, «и как ты вообще живёшь в этом городе и не знаешь таких мест». Лиза самозабвенно болтала. В частности она утверждала, что соло-гитарист постоянно оказывал ей знаки внимания и играл практически для неё одной. Катя пребывала в приятном оцепенении рядом с этим вулканом энтузиазма и почти ничего не слышала из Лизиного рассказа, хотя и получала удовольствие от самой ситуации. Всё вернулось на свои места, и обе подруги втайне друг от друга вздохнули с облегчением.

Скоро Лиза начала заметно скучать. Она уже исчерпала свои запасы рассказов и сплетен и теперь чувствовала себя опустошённой. Теперь душа её рвалась вперёд, и пора было заканчивать эту передышку и двигаться дальше. Катя всё равно не собиралась пускаться в откровения. А Лиза не выносила молчания. Ею двигало любопытство, желание выведать тайны, скрытые от большинства наблюдателей. Кате она искренне сочувствовала, и ей было неприятно видеть подругу в таком подавленном настроении, однако она всё равно не могла понять причин этой подавленности, потому что, с её точки зрения, всё было очень просто, а лишние сложности проистекали лишь из характера Кати. Она, с точки зрения Лизы, страдала от того, что любила придавать значение незначительным вещам и интерпретировать их так, как они на самом деле не заслуживали. Лиза понимала, что случись что-то подобное с ней, все разрешилось бы очень быстро – пускай болезненно, с криками и скандалом – но через несколько дней эта история была бы забыта. Но в Катином случае ситуация искусственно драматизировалась, в ней мерещились скрытые смыслы, которых там на самом деле не было, и было понятно, что Катя подсознательно намерена страдать намного дольше и намного сильнее. Предстояли внутренние монологи, поиски виноватого и наконец, самоуничтожение. Разумеется, Лиза никогда не была свидетелем всего вышеперечисленного, но могла себе это представить. И теперь она хотела помочь подруге, снизить дозу мысленного яда, которым та собиралась себя травить, и, по возможности, дать ей противоядие. Но поскольку пациент, вместо того, чтобы радостно отдаться в руки заботливого врача, крепко сжимал зубы и вертел головой, действовать надо было аккуратно, не вызывая лишних подозрений. И поэтому очень кстати оказалась сегодняшняя вечеринка.

Катя тоже начинала уставать от разговора с подругой. Слушать Лизу ей было интересно до тех пор, пока она сама оставалась в стороне и воспринимала рассказ именно как рассказ. Но вскоре наступал момент, когда Катя начинала примерять все эти приключения на себя, и тут ей становилось немного тоскливо. В основе лежала простая зависть, и хотя для неё, в сущности, не было причин, ведь Катя действительно не очень любила такой стиль жизни, однако насыщенность жизни подруги рождала с ней неуверенность в собственном стиле жизни. Конечно, она понимала, что недолго бы смогла выносить, если бы оказалась на месте Лизы, начала бы жить её жизнью, в вечной погоне за удовольствиями, однако запретный плод сладок, и в душу закрадывалось сомнение. Легко начать завидовать чужой жизни, зная о ней лишь по рассказам и не имея представления обо всех подробностях, этим рассказом опущенных.

Девушки расплатились и вышли. Прощаясь, Лиза не сдержалась и ещё раз напомнила о сегодняшнем вечере, после чего направилась к Невскому. Катя пошла домой, причём на этот раз она решила не поддаваться магии извилистого канала Грибоедова, а выбрала как можно более прямой маршрут. Пока верная подруга была рядом, мысли о собственном положении ненадолго оставили её. Но стоило ей остаться одной, как они не преминули вернуться, тупой болью в затылке напоминая о себе. Она шла по Казанской улице и, что бы ни делала с собой, продолжала вспоминать Париж и даже сравнивала на ощупь асфальт под ногами с асфальтом из воспоминаний. И что они все находят в этом Париже, спрашивала она себя. Наступил период ревности, и Катя отчаянно ревновала Даню к Парижу.

Спустя примерно полчаса она дошла до дома на Дровяном переулке, поднялась по лестнице на третий этаж, вошла в квартиру и захлопнула за собой дверь. Перед отъездом Даня как следует подтянул вентиль на кране, поэтому теперь даже капанье воды в раковину не нарушало полнейшей тишины. Квартира была пуста и, казалось, дремала вот уже много лет.

Вообще-то эта квартира Кате не принадлежала. Жила она здесь последние неполные три года, с тех пор, как её пригласил Даня. Собственно, переехали они сюда вместе, вскоре после того, как она освободилась. Раньше здесь жила его тётка. Потом она умерла, а поскольку ни мужа, ни детей у неё не было, квартиру было решено отдать Дане. К тому времени они встречались уже месяца три, и отношения их перешли на тот уровень, когда приглашение пожить вместе кажется вполне естественным, хоть и вызывающим некоторую нервозность. Катя согласилась.

Теперь она жила совсем недалеко от родительского дома, если говорить о расстоянии по прямой. Она всего лишь переехала на другой берег Невы. Но при этом она переехала в совершенно непривычный ей город. Раньше она жила на набережной Лейтенанта Шмидта, на Васильевском острове, и, когда она выходила из парадной, перед ней открывался весь простор портовой жизни. У причала стояли круизные лайнеры, дул настоящий морской ветер, да и сама жизнь на острове предполагала определённое ощущение бесконечного пространства вокруг. Теперь же она жила в «материковой» части Петербурга, и хотя ветерок доносился и сюда, и в створе соседней улицы можно было разглядеть портовые краны, жизнь казалась скованной рядами старых домов. Когда она выходила из дома, взгляд упирался в них, а ноздри наполнял гнилостно-болотный аромат их подвалов. Теперь они жили в Коломне, районе, населённом, согласно литературной традиции, безумцами и привидениями, и, прожив здесь некоторое время, Катя поняла, что это место как нельзя лучше подходит для них. Возможно, это был единственный способ существования здесь, вдали от кипящей жизни и туристических маршрутов, думала она иногда.

Помимо метафизических возникали и сугубо бытовые проблемы, связанные с тем, что молодые люди впервые начинали независимую жизнь – вернее, зависимую лишь друг от друга. Когда прошла первая эйфория романтики, померкли судорожные блики свечи на обнажённых телах, пришлось как-то обустроить свой новый дом. Квартира была в откровенно плохом состоянии. Старый паркет топорщился со скрипом, когда на него наступали, с потолка в ванной свисали хлопья отсыревшей штукатурки, бачок в туалете издавал утробные звуки, а к шторам было даже страшно прикасаться, потому что при каждом движении они испускали облака пыли, накопленной за много лет. Боролись они с этим сообща, но силы были неравны, да и финансовые возможности молодой пары были не безграничны. Более того, поскольку Даня большую часть дня проводил на работе и приходил оттуда усталым, его хватало лишь на одно героическое дело за раз, вроде замены прокладки в смесителе. Катя же взялась за более простые, с технической точки зрения, дела, однако они выводили из равновесия куда больше в силу своей рутинности. Основным делом стала борьба с пылью, и Катя отдавалась ей самоотверженно, хоть и с переменным успехом. Пыль забивалась в лёгкие, от неё хотелось чихать и кашлять, однако через пару дней после уборки она снова лежала на своих привычных местах, как ни в чём не бывало. И Катя начинала всё сначала.

Но, несмотря на все неурядицы, несмотря на новый быт, квартира приобретала вид жилища, в котором живут настоящие люди, не сумасшедшие и не призраки, и люди эти счастливы. Какое-то время были счастливы. Теперь Катя вошла в квартиру, и она была невыносимо пуста. Катя машинально прошла в комнату и присела на кресло. Зачем же она сюда пришла? Какая-то загадочная сила, которая всю дорогу твердила «Вот дойдёшь до дома, и всё будет хорошо, главное – дойти», эта сила теперь исчезла, видимо, удовлетворённая. Одинокая

девушка сидела в пустой комнате и не знала, чем себя занять. Дом не спас от одиночества, лишь придал ему соответствующий антураж.

Катя села у окна. На другой стороне улицы был маленький сквер, состоявший из семи-восьми лип и маленькой скульптуры девушки. Она была повернута в профиль и безо всякого выражения смотрела на стену дома. Спина была гордо выпрямлена, руки спокойно сложены вдоль тела. Мимо ходили потёртые грузчики (во дворе находился продуктовый магазин), они не обращали на статую внимания, слишком занятые работой. Катя продолжала сидеть у окна. Липы шелестели на ветру, вернее, на каких-то его обрывках, чудом залетевших в этот сдавленный с трёх сторон стенами уголок. С площади Кулибина, лежавшей метрах в пятидесяти от дома, но вне поля видимости, доносился весёлый детский визг – там со своими внуками и внучками гуляли стоически-терпеливые бабушки. Солнце, и так с трудом пробивавшееся сквозь листву, теперь пыталось скрыться за домом. Наступал спокойный летний вечер. И когда в соответствии с этим временем суток воздух стал будто наполняться желтоватым тягучим мёдом, Катя решила, что больше не может сидеть дома. Тогда она вышла из дома и села за руль машины, стоявшей перед домом.

Это была машина Дани. Он купил её вскоре после того, как отношения стали приобретать первые черты стабильности. Они часто катались на этой машине, и Даня даже настоял на том, чтобы Катя получила права. За рулём она всё ещё чувствовала себя неуверенно, ездила по городу лишь несколько раз, судорожно вцепившись в руль. Но сейчас находиться в квартире стало окончательно невыносимо, машина ждала под окном, а в городе, по всей видимости, не должно было быть пробок. Она завела машину, потратила несколько минут на изучение карты, затем, определившись с маршрутом, внимательно понаблюдала за дорогой, и, убедившись в полном отсутствии опасности, тронулась с места. Заглохла, снова завела машину и снова тронулась – на этот раз по-настоящему.

Глава 5

Самолёт приземлился в 12:30. Он прополз по дорожкам в сторону терминала, словно переводя дыхание после долгого полёта, и подставил свой висок к дулу телескопического трапа.

Данила шёл бесконечными коридорами аэропорта Шарль-де-Голль, руководствуясь направляющими табличками. Он поднялся на эскалаторе, проходящем сквозь величественный вертикальный колодец, увенчанный стеклянным куполом. Получил свой чемодан, приобретший благодаря обёртке из полиэтилена и перепаду давления весьма стройную талию, и отправился на поиски станции RER, которая должна была располагаться где-то поблизости – разумеется, в масштабах аэропорта.

Даня разобрался с автоматом, продающим билеты, и сел в поезд. Он устроился у окна с намерением поглазеть на пригороды Парижа – за городом дорога шла по поверхности. Однако в пригородах не было ничего интересного, дома были скучны и однообразны, поэтому, когда состав скрылся под землёй, Даня даже обрадовался – не придётся разочаровываться. Вместо этого он открыл ноутбук и набросал текст, собрав в него все свои теоретические знания о подземном транспорте Парижа:

Подземный транспорт в Париже устроен любопытным образом. Есть métropolitain, построенный более ста лет назад, неглубокий настолько, что проходит в основном под улицами и петляет среди фундаментов парижских домов, а иногда и поднимается на поверхность. За столь долгую жизнь métropolitain разросся до огромных размеров, и теперь, пожалуй, в Париже нет точки, в десяти минутах ходьбы от которой не найдётся его станции.

Конкурент métropolitain, RER, не может сравниться с ним по количеству станций и веток, однако его преимущество заключается в глубине постройки. Благодаря этому фундаменты ему не помеха, и он может пронзять город насквозь своими немногочисленными линиями, выходящими далеко за пределы города. Таким образом, RER одновременно выполняет функцию метро и электрички.

Даня вышел из поезда на Gare du Nord, перешёл на станцию метро, проехал одну остановку до Gare de l'Est, перешёл на ещё одну ветку и через остановку поднялся на улицу со станции Cadet.

Вокруг был Париж. Даня замер на выходе из метро, озираясь. Стояли дома, ехали автомобили и шли по своим делам люди. А он стоял посреди большого, спешащего куда-то города и опирался о раздвижную ручку своего чемодана. Впервые он осознал, что здесь его никто не ждёт. Вообще его прибытие осталось никем незамеченным, если не считать людей, которым он мешал пройти. Опомившись, Данила отошёл в сторону и вытащил из кармана неловко свёрнутую карту. Гостиница была где-то рядом.

Любого человека, родившегося и проведшего всю жизнь в Петербурге и впитавшего в себя его прямолинейность, легко сбить с толку при помощи перекрёстка, проложенного не под углом в 90 градусов. География Парижа сначала повергла Данилу в ужас. Подвела и карта, купленная ещё в Доме Книги на Невском. Кусок бумаги размерами чуть больше формата А4 оказался совершенно бесполезным в боевых условиях. Карта не отображала всей беспорядочности парижских улиц. Из-за этого путь, который можно было пройти уверенным шагом минут за пять, занял у Дани почти двадцать минут и состоял из череды остановок посреди тротуара, сопровождающихся судорожным разворачиванием карты на ветру. Он уже был готов решить, что заблудился. Больше всего его беспокоило то, что улица, по которой он шёл, вообще не была обозначена на карте. Спрашивать дорогу у прохожих Данила не хотел

(откровенно говоря, стеснялся) и решил довериться интуиции, после чего через несколько шагов увидел вывеску «Jeff» на углу улиц Richer и Faubourg-Monmartre и понял, даже с некоторым разочарованием, что не заблудился. «Ну ничего, ещё успею», – подумал он и свернул на улицу Рише.

У входа в гостиницу курил смуглый мужчина в белой рубашке. Увидев Данилу, он профессионально заулыбался и придержал дверь, чтобы тот смог пройти внутрь.

Холл гостиницы вряд ли заслуживал такого громкого звания. Он был настолько маленьким, что, попадись Дане навстречу человек с таких же размеров чемоданом, они бы надолго там застряли. По счастью, навстречу никто не шёл, и Данила прошёл внутрь почти беспрепятственно. Мужчина, оказавшийся консьержем, изящно обогнул его, встал за стойку и вдруг сказал по-русски «Добрый день», правда, с сильным акцентом. От неожиданности Даня скороговоркой проговорил отрепетированную несколько раз французскую фразу «Здравствуйте, я бронировал номер в вашей гостинице». Тут француз искренне расплылся в улыбке и весьма споро зарегистрировал новоприбывшего гостя, после чего протянул ему ключи и сказал опять по-русски «Хорошего отдых. Лифт», на что оторопевший Даня совсем уж невпопад ответил «De rien». Повинуясь жестикаляции консьержа, он прошёл два шага вперёд и за углом действительно увидел лифт. Справа от него наверх уходили узкие ступени и заворачивали налево – по всей видимости, они обвивали шахту лифта. Даня ещё никогда не видел таких маленьких лифтов. Он был больше гроба, но незначительно – в принципе, любой мог бы заказать себе такой гроб, если бы захотел быть похороненным со своим чемоданом. Даня закрыл ручную дверь лифта и нажал на кнопку 3. Пока кабина натужно поднималась, он успел задаться вопросом, что означает кнопка RC на табло, но на подходящий ответ времени уже не нашлось. Лифт приехал. Даня вышел в слабо освещённый коридор, выкатил за собой сумку и с трудом смог разобрать номер на двери. Когда он нашёл подходящую и открыл её, его ослепил яркий свет.

День первый

Итак, я здесь. Окно в номере открыто. Здесь тепло, градусов 27 и погода очень хорошая. Не то чтобы особенная, удивительная, нет, но хорошая погода именно здесь и именно сейчас много для меня значит

Через окно я слышу трезвон велосипедов и урчание медленно проезжающих автомобилей. А когда их нет, я могу расслышать обрывки чьего-то разговора. Наверно, это консьерж болтает с кем-то у входа в гостиницу. Кажется, тоже о погоде.

А через окно я вижу небо, немного облаков и изредка пролетающих птиц. Но большую часть окна занимает дом, и я очень рад, что он здесь. Потому что это самый настоящий парижский дом. Мне даже кажется, что я его видел на какой-то фотографии, но это вряд ли. Просто он очень типичный, судя по тому, что я уже успел увидеть. И он мне очень нравится.

Итак, я в Париже. Добрался из аэропорта до гостиницы, заселился, распотрошил сумку и теперь лежу на кровати с ноутбуком, пользуясь услугами местного вай-фая. Скажете, что не очень разумно тратить так своё время? Да, согласен. И поэтому сейчас я ухожу. Ещё минутку.

Что может сделать человек, достигший своей мечты? Может потерять сон и аппетит, впасть в депрессию из-за того, что жизнь потеряла смысл. А может взглянуть на свою мечту как следует и понять, что мечта – это только начало.

Всё, я ушёл. Не знаю, как насчёт сна, но аппетит я точно не потерял.

Данила действительно лежал на кровати перед открытым окном. Он отправил запись в блог, затем проверил почту. Катя не ответила. Он подумал, не написать ли ей ещё письмо,

потом закрыл ноутбук. Писать было нечего. То, что он добрался, она поймёт и так, из его поста, а расписывать свои восторги не хотелось. Она никогда их не понимала.

Он лежал на кровати полностью одетый, даже в ботинках. Дане казалось, что в этом заключается одно из удовольствий путешествий в одиночку. Лежать вот так, как никогда не позволил бы себе дома, на кровати в номере гостиницы и смотреть в потолок. Беспечный путешественник. Уже пора было идти, но Даня не торопился. Он хотел лучше познакомиться с этой комнатой, ведь ему предстояло провести здесь Бог знает сколько времени. Ну, это уж как повезёт.

Номер был совершенно белым. Белые стены и потолок, белые занавески и бельё на кровати. Большое зеркало тоже отражало белое. Белизну разбавляли лишь чёрно-белая фотография Эйфелевой башни над кроватью и тёмно-коричневый столик в углу. Столик этот казался здесь лишним, хотя и привлекал наибольшее внимание. Старомодный потёртый стол с двумя ящиками, он выглядел так, словно был собран вручную неким безымянным столяром лет пятьдесят назад. Хотя не исключено, что именно этого эффекта и добивались в ходе промышленного производства. Вопрос был лишь в доверии, и Даня решил ему поверить. И даже положил ноутбук в один из его ящиков. Затем он вышел на узкий балкончик, опоясывавший здание, покурил, стряхивая пепел в оставленную банку из-под пива, набрался смелости и вышел из номера.

Выйдя из гостиницы, Данила пошёл налево, там ему показалось более оживлённо. Он шёл по мостовой, утыканной вдоль кромки чёрными столбиками, и вертел головой. Он пытался нащупать то озарение, которого так искал и за которым, собственно, и приехал, и, несмотря на то, что оно действительно стало ближе и даже ощущалось в воздухе вокруг, оно всё же было недостижимо, словно он смотрел на что-то сквозь мутное стекло, но на ощупь чувствовал лишь холодную гладкую поверхность. Ничего, говорил он сам себе, теперь уж оно от него не ускользнёт.

Даня брёл, сам не зная куда. В сумке лежала карта, но он больше не хотел доставать её. Не было желания выглядеть туристом. Вокруг лежал город, живой и настоящий, и он не хотел думать о нём, как о маршруте, он желал почувствовать себя его маленькой частицей, из миллионов которых этот город и состоял, и в которых черпал силы для дальнейшей жизни. Сегодня никаких достопримечательностей, сказал себе Даня, просто прогулка, попытка прикоснуться к парижскому образу жизни. К этому городу нужно прислушаться и приглядеться, с достойным его почтением и не нарушая приличий. Он шагал по мостовой и ноги его пружинили от возбуждения.

Вертящаяся улочка вывела его на бульвар, и указатель станции метро подсказал ему, что это и есть один из них, из тех самых Les Grandes Boulevards. Выглядел он похоже на свои фотографии, но всё-таки что-то отличалось, не хватало какой-то величественности, что ли? Однако, поразмыслив, Даня пришёл к выводу, что для фотографий бульвар позировал, а сейчас попросту отдыхает, не задумываясь над собственной эстетикой. Даню это успокоило.

Теперь он шёл по широкому бульвару, на котором не приходилось, как раньше, уворачиваться от шедших навстречу парижан, и мозг, получивший передышку, смог расслабиться. Даня вспомнил о Кате. Всё-таки стоило ей написать. Пускай бы она не ответила, только прочитала. Ему была бы приятна и такая односторонняя связь.

Всё ещё было стыдно перед Катей. Стыдно за свой поспешный отъезд и за вчерашнюю ссору, связанную с ним. Ему было стыдно, но, тем не менее, он всё равно считал себя правым и, как обычно бывает в таких случаях, защищал свою правоту при помощи встречных обвинений.

Неприятные воспоминания заставили голову Данилы понуриться, а его шаг – сделаться ленивым и шаркающим. Таким шагом обычно ходят машинально, по давно известным улицам, даже не задумываясь о маршруте. И он действительно почти забыл, где он сейчас находится. С тем же успехом он мог бы сейчас идти по Садовой улице. Однако ругательство «Merde!»,

вовремя брошенное одним французом другому и случайно уловленное Данилой, произвело на последнего гораздо большее впечатление, чем на своего непосредственного адресата. Даня вспомнил, где он находится, и испытал облегчение.

Вокруг по-прежнему был Париж. Солнце просвечивало сквозь листву деревьев, которые Даня, плохо разбирающийся в ботанике, решил считать платанами. Вокруг шли люди, парижане и не очень, и он очень надеялся, что может сойти в глазах и тех, и других за местного. Люди же вряд ли обращали на него внимание, так что все усилия пропадали напрасно. Парижане шли по своим делам, лёгким размеренным шагом, либо смотря себе под ноги, либо перекидываясь фразами со своим собеседником, если шли не одни. Было в их повадках небрежное чувство собственного превосходства – словно они уже не подвергали это самое превосходство сомнению и предпочитали бы о нём не вспоминать, но оно всё же сквозило в их жестах, в их манере одеваться, ленивых улыбках, или, напротив, в непроницаемой серьёзности лица. По сравнению с ними туристы, тут и там попадавшиеся на глаза, казались шумной ватагой детей, которых лишь на пару минут выпустили из экскурсионного автобуса, дабы они могли порезвиться на свежем воздухе, и которых вот-вот загонят обратно, от греха подальше. Собственно, автобусы действительно присутствовали, припаркованные на обочине. И неподалёку от каждого стояла группка туристов, возглавляемая вооружённым зонтиком гидом, который рассказывал что-то благостно-скучное. Туристы же либо галдели, не обращая на рассказ внимания, либо всё же слушали, хлопая глазами и с заискивающим видом разглядывая город вокруг себя. Помимо этих были ещё и другие туристы, рангом повыше. Эти уже могли сами отвечать за собственные передвижения в пространстве и, как и Данила сейчас, вышли из отеля и теперь шли по улице, не выпуская из рук карту. В толпе их можно было выделить благодаря тому, что они имели привычку останавливаться посреди тротуара, не обращая внимания на движение пешеходов вокруг, и спорить по поводу карты, тыча в неё пальцами. Как раз такие туристы и попались Дане на глаза: это были две русские женщины неопределённо-сорокалетнего возраста, и одна из них, держа палец на карте (с двумя целями, указать некую важную точку и при этом не дать карте улететь от порыва ветра), грудным голосом убеждала другую: «Я же говорила, что бульвар Гауссман, значит, Лафайет там!» Данила смутился и, спрятав глаза, постарался проскочить мимо. «Осман, господи, Осман!», – мысленно исправлял он произношение русской туристки.

Однако шумные женщины, незнакомые с французской фонетикой, были правы, галерея Лафайет действительно находилась перед ним. Фасад знаменитого магазина был почти наполовину скрыт за гигантским плакатом с изображением очередной голливудской красавицы, рекламирующей очередные французские духи. Место, священное для всех модниц и знакомое многим по изображению на многочисленных полиэтиленовых пакетах, это здание являло собой один из острых углов, образующий перекрёсток. Перекрёсток этот впору было бы назвать «Пять углов», если бы такой принцип не был так характерен для всего Парижа. Да и размерами он не походил на своего скромного петербургского коллегу, его можно было счесть площадью. Данила решил сменить направление и повернул налево. Галерея Лафайет осталась позади, непривычно обделённая вниманием, и красавица с плаката старалась не глядеть ему вслед.

Данила пошёл по короткой улочке, привлечённый массивным зданием, похожим на дворец, с позолоченной, сияющей на солнце скульптурой на крыше. Подходя всё ближе, путешественник стал догадываться. Зданием этим могла быть лишь Гранд-Опера, всемирно известный театр, один из символов города. Однако видно его было сбоку – здание хоть и было величественным, но всё же не представало в том же виде, что и на фотографиях. Данила прошёл вперёд и вышел на площадь. Он хотел отойти чуть подальше, чтобы, обернувшись, оценить театр во всей красе. Но так и не обернулся. Площадь подхватила его, лишила его памяти

и раскалила чувства до предела. Теперь он был в сердце города, чувствовал его пульс и слышал дыхание.

Площадь перед Гранд-Опера, воистину, одна из главных точек этого города – вернее, одной из его ипостасей. Именно здесь новичок решает для себя раз и навсегда – любит ли он этот город или нет. Разумеется, Париж бывает разный, но Париж, пылуший жаром, здесь самый живой, самый настоящий. Именно с этой точки нужно начинать знакомство. Человек либо принимает этот торжественный муравейник из людей и признает себя одним из жизнерадостных муравьёв, либо нет. Кутерьма движущихся машин, пешеходы, снующие по велению зелёного сигнала светофора или скучающие и переминающиеся с ноги на ногу по красному сигналу, банки, украшенные французскими флагами, кондитерские с прозрачными бадьями, в которых лениво перемешивается сладкий шербет всех цветов радуги, открытые кафе с деревянными стульями на гнутых ножках и элегантно-небрежными официантами в чёрных бабочках и белых фартуках – именно здесь человек окончательно отказывается от того образа Парижа, который был создан в его голове под влиянием фильмов и книг, и признает за ним не красивую картинку, не замшелый музей стереотипов, а поистине живой город, ещё юный в душе.

То же самое произошло и с Данилой, и потому он и не обернулся. Теперь он по-настоящему шёл по этому городу, и ему не нужно было двигаться в каком-либо определённом направлении, чтобы увидеть житейскую красоту – ведь она царила повсюду. Он шёл по Avenue de l'Opera, разглядывая выщербленные временем здания, соседствующие с яркой, легкомысленной рекламой. Это сочетание не вызывало отторжения, оно лишь подтверждало триумф жизни, царивший вокруг. Улица упиралась в серовато-коричневое мрачное здание без окон. Оно простиралось в обе стороны и, хотя где-то дальше и был виден его конец, из-за своей суровой однообразности здание казалось бесконечным. По другой стороне улицы, напротив него, шла анфилада из арок, под которыми скрывались магазины разной направленности, но одинаково привлекающие покупателей яркостью и освещённостью своих витрин. Данила пошёл вдоль них. Здесь были винные магазины с деревянными полками, ошеренными пыльными горлышками бутылок, были сувенирные лавки с примитивными товарами: магнитами из дешёвого пластика кислотных расцветок и футболками с вызывающей надписью «I love Paris», и были модные магазины одежды, озадачивающие своей пустынностью. Данила шёл вдоль них, не замедляя шага, хоть и разглядывая понемногу витрины. Скоро анфилада закончилась, выйдя в небольшую площадь. Посередине красовался позолоченный памятник, неразличимый из-за своего сияния на солнце. А на другой стороне, на углу площади и улицы с всё той же продолжающейся анфиладой, Данила увидел очередной ресторанчик, типичный парижский, с маленькими столиками на мостовой и подвижными официантами, выющимися вокруг. Он вспомнил о своём голоде, который хоть и немного притупился благодаря богатым впечатлениям, но не исчез и притаился где-то внутри. Данила решил сдаться и перекусить – тем более что это являлось неотъемлемой частью его культурной программы.

Ресторан (или, согласно французской классификации, brasserie) назывался Le Caroussel. Столики снаружи были заняты. Но желудок, почувствовав слабость хозяина, уже не оставлял возможности поискать другое место. Данила зашёл внутрь. Здесь было пусто, лишь за одним столиком сидела девушка с чашкой кофе и блюдцем, на котором, видимо, ещё недавно красовался некий десерт. Внутри было немного сумрачно, помещение освещалось лишь светом дня сквозь высокие окна. Свет этот растворялся почти без остатка в тёмных дубовых панелях, обрамлявших стены, колонны и барную стойку. Данила сел у окна, за которым виднелись бурно жестикулирующие о чём-то туристы.

К нему приблизился гарсон, молодой парень с русыми волосами и доброжелательным широким лицом и неожиданно обратился к нему по-русски без всякого акцента:

– Добрый день, добро пожаловать! У нас есть меню на русском языке, пожалуйста.

Данила заулыбался неловко, испытав знакомое многим русским туристам в таких случаях чувство – смесь польщённости, смущения и лёгкого неудовольствия.

– Мерси. Вы тоже русский?

– Да, из Москвы.

– А я из Питера.

Официант не дал ему отвлечься и затараторил с профессиональным видом:

– Могу порекомендовать маринованное колено ягнёнка, коронное блюдо нашего шеф-повара. Очень популярно, многие заказывают.

– Давайте, раз все заказывают. Avec des frites.

Официант снисходительно улыбнулся и сказал:

– Меня зовут Максим, если что, обращайтесь.

– Простите, а можно вопрос? Как давно вы живёте в Париже?

– С детства. Родители привезли, – бросил Максим, удаляясь на кухню, кажется, немного недовольный таким вторжением в личную жизнь.

Данила с удовольствием откинулся на спинку стула и проводил гарсона взглядом. Дела шли даже лучше, чем он планировал. Небольшой обед от шеф-повара, затем прогулку можно будет продолжить. Он достал сигарету из пачки.

– Здесь не курят, – произнёс женский голос по-русски.

Пытаясь соблюсти достоинство, Данила убрал сигарету и повернулся к девушке.

– А ты думаешь, почему они все снаружи сидят? В помещениях курить запрещено. Даже официантам приходится наружу бегать, – с улыбкой объяснила она.

– Прошу прощения, не знал. Первый день здесь.

Девушка кивнула. Данила огляделся вокруг, решая, стоит ли продолжить разговор, затем само собой у него вырвалось:

– Вот уж не ожидал, что в первый день в Париже попаду в русский район. Довольно неожиданно слышать вокруг такое обилие родной речи.

Девушка рассмеялась из вежливости, однако Даниле показалось, что она не против поддерживать беседу.

– Это не русский район, это всего лишь Риволи.

– Подождите, эта улица и есть Риволи? Та самая?

– Вероятно. Ты представлял её по-другому?

– Не уверен, что вообще хоть как-то её себе представлял. Однако название очень знакомое.

– Да, тут всё как на экскурсии, – девушка изобразила официальный тон – Справа вы можете увидеть сад Тюильри, слева – Лувр.

Молодые люди рассмеялись. Затем Данила продолжил.

– Рискую показаться невежественным русским туристом, но я даже не знал, что это Лувр.

Действительно, только сейчас он понял, что мрачное здание, тянувшееся вдоль улицы, и было всемирно известным музеем. Вернее, это была лишь одна сторона гигантского дворца, и не самая презентабельная из всех.

– Да, это он, – девушка смотрела сквозь окно на Лувр, но взгляд её пролегал совсем рядом с Данилой и это было приятно. Он воспользовался возможностью разглядеть девушку получше. Спутанные блондинистые волосы, по виду напоминающие недоделанные дреды, были собраны в крупный хвост за спиной. Лицо украшал строгий прямой нос с редко разбросанными веснушками. Одета она была в грубую холщовую куртку, джинсы и потёртые кеды-

конверсы на переплетённых под столом ногах. Образ бывалой путешественницы, привычной к дороге, был соблюден во всех деталях.

– Страшное место, – девушка, рассмеявшись, наконец посмотрела на Даню, – была там один раз и никак не могу заставить себя сходить ещё раз.

– Неужели это так страшно? Я туда тоже собирался, но теперь уже побаиваюсь этого. Может, составим друг другу компанию?

– Не сегодня. Да и раз ты первый день в Париже, я бы тебе тоже не рекомендовала, слишком много впечатлений.

– Тогда завтра? – Даня не понимал, что он делает, но тормоза уже отказали.

Девушка взгляделась в его лицо, затем опустила глаза к чашке и с еле заметным изменением в голосе протянула:

– Ну что же, давай. Завтра днём в Лувре.

– Где именно? У входа?

– Нет, внутри. Мне кажется, я знаю, где я смогу тебя найти...

Она махнула рукой проходившему мимо Максиму:

– Макс, мон шер, можешь вызвать мне такси? Я пока покурю на улице, – на что он радушно кивнул: «Ну разумеется». После этого она взяла со стула рюкзак и, проходя мимо Дани, улыбнулась ему: «До завтра».

– До встречи, – он проводил её взглядом до двери и понаблюдал бы за ней и дальше, сквозь окно, если бы не тень официанта и не стук тарелки перед его носом.

– Маринованное колено ягнёнка, bon appetit.

Глава 6

Поездка по городу была настоящим кошмаром. Не помогало малое количество машин на дороге – Катя не имела никакого опыта вождения и поэтому умудрялась мешать даже самым добропорядочным и ответственным водителям, которые обдавали её гудками, сопровождая их нелестными комментариями. Комментарии было прекрасно слышно сквозь открытые окна. У Кати горело лицо от стыда и продолжало гореть до тех пор, пока она не выехала на просторный Московский проспект. Здесь было поспокойнее. Руки перестали дрожать. Сердце прекратило бешеный ритм, в ушах больше не стучало. Катя наконец-то сообразила, что всё это время ехала, чуть ли не вплотную прижавшись к рулю, и поэтому с облегчением откинулась на спинку сидения. Она ехала по средней полосе, не мешая никому своей медлительностью и неуверенностью. В этой полосе она и проехала через весь город на юг, затем, почувствовав, что приближается к Кольцевой, снова немного запаниковала и снизила свою скорость до совсем уж неприлично маленькой, однако именно благодаря этому смогла не пропустить нужный ей выезд.

Машина выехала на кольцевую дорогу и поехала на запад, в сторону Кронштадта. Направление это и так было не самым популярным, теперь же здесь было совсем пустынно. Катя ехала по дороге, всё так же в среднем ряду, и впервые стала получать удовольствие от вождения. От неё требовалось лишь держать педаль газа в одном положении и плавно подруливать, чтобы направление машины совпадало с направлением дороги. Шины, убаюкивая, шуршали по асфальту, двигатель вторил им своим уравновешенным гудением. В таких условиях Катя смогла расслабиться. Солнце уже начинало садиться и, в зависимости от траектории дороги, светило то чуть левее, то правее её, а иногда висело прямо над шоссе, подсвечивая серый асфальт умиротворяющим оранжевым. Катя опустила козырёк, чтобы не слепило глаза.

Трагедия ушла, оставив после себя житейское спокойствие. Жизнь продолжалась одной лишь ей, жизни, известным способом, и Катя следовала этим путём, подхваченная не бурными волнами, а шоссе́йной гладью. И то, что даже эта дорога сейчас продолжала напоминать о прошлом, не смущало, а наоборот, подтверждало его значимость. Даня уже катал её по кольцевой. Пару лет назад, узнав из новостей о том, что открыт туннель до Кронштадта, завершивший собой многолетнее строительство КАД, они сели в машину и поехали, точно так же, как сейчас, посмотреть на этот туннель. Только тогда уже было совсем поздно, и дорога была равномерно подсвечена огнями фонарей среди синеватой темноты окружающего пейзажа. Когда они, наконец, нырнули в туннель, проложенный под дном Финского залива, Катя вытянула в приоткрытое окно зажатый в руке мобильник и сделала снимок. Фото получилось смазанным, нерезким, и к тому же немного заваленным на бок, но оно всё равно понравилось им обоим. Безумное ощущение скорости, сужающаяся в одну точку перспектива, размазанные по стенам фонари и кусок капота, случайно попавший в кадр. Даня даже хотел поставить его себе на аватар, но потом решил, что это будет пошло.

Теперь Катя ехала одна. Она сидела на водительском сидении, где раньше сидел Даня, держала руль, который он когда-то держал, однако машине, по всей видимости, было всё равно, кто ей управляет, и она ехала, с готовностью подчиняясь неуверенным командам своего водителя. Из-за поворота неожиданно открылся великолепный вид, в прошлый раз укрывшийся от них ввиду тёмного времени суток – дорога резко спускалась к воде, открывая широкую панораму залива, соединение воды и неба, на стыке которых в дымке заходящего солнца плыли корабли – тяжеловесные танкеры и крошечные яхты. Ещё через пару минут дорога ушла под землю и музыка по радио сменилась помехами. Туннель был всё тем же, и Катя вдруг, как наяву, вспомнила ту фотографию. Всё было таким же, желтоватые фонари по стенам и зелёные стрелки под потолком, указывающие направление. Катя неслась по дороге, стараясь не думать о тоннах земли и воды, нависших над её головой. Когда туннель стал подниматься вверх,

к поверхности, и по радио начали проступать музыкальные аккорды, у Кати зазвенел телефон. Из легкого потрескивания помех, гомона голосов и эха неразборчивой музыки донёсся голос Лизы, чуть более жизнерадостный, чем обычно.

– Катюха, ты где? Слушай, тут так классно! Стаканы возьми там, в шкафчике. Это я не тебе. Ну что, может, приедешь? У нас всё в самом разгаре! Ты бы развеялась, а?

Катя в ответ промямлила что-то отрицательное и хотела уже было положить трубку, но вдруг, задумавшись, посмотрела вокруг себя. Машина ехала по дамбе, длинному мосту, проложенному по широкому, как море, Финскому заливу. С обеих сторон лежало пространство воды с редкими безжизненными островками, и всё это – и узкая дорога, и машина, и даже сама Катя, сидевшая в ней, – продувалось насквозь бессердечным ветром. Она поняла, что эта стоическая романтика уже осточертела ей, она почувствовала какой-то мертвенный холод, подступающий к самому сердцу, и захотелось тепла, захотелось почувствовать хоть какое-то дуновение жизни, хоть и не принадлежащей ей, а проходящей мимо, но всё же согревающей по пути, обволакивающей дымкой из человеческих голосов и смеха, дарующей малую искру, способную оживить уже коченеющее сердце.

– Ну ладно, как вас найти?

– Значит, так. Квартира находится на Литейном, дом...

Минут через сорок Катя припарковала машину, хоть и кривовато, но теперь хотя бы более уверенно, и поднялась на пятый этаж старого дома с эркерами. В лифте стоял запах грибов, которые кто-то, по всей видимости, сегодня вечером привёз с дачи. И уже здесь был слышен гулкий гомон, доносившийся сквозь столетние перекрытия. Когда двери лифта открылись, на лестничной клетке она увидела группу людей с сигаретами, хохотавших о чём-то своём. Один из них обернулся и оказался тем самым Уткиным, другом Лизы, с которым Катя общалась всего пару раз в своей жизни, хотя он и был у неё в друзьях во всех соцсетях.

– О, привет! – было заметно, что он запомнил её имя, и пары алкоголя, клубившиеся в его дыхании, могли быть частичным объяснением этому, но он быстро сориентировался и указал рукой на прикрытую дверь квартиры, – Лиза там, она тебя ждёт. И, обернувшись к своим приятелям, носившим на лице, все как один, щетины разной степени небритости, но одинаковой степени модности, продолжил: – А она такая говорит...

В квартире царил хаос. Гремела музыка, какой-то классический рок-н-ролл, и всё помещение, казалось, вибрировало вслед его ритму. На полу в прихожей стояли ботинки и туфли, изначально, видимо, поставленные в аккуратные ряды, но затем перемешанные в одну кучу. На столике стоял старый, бежевой пластмассы, дисковый телефон, и в его трубку щебетала блондинка с капризными интонациями: «Ну что я могу поделать, если телефон разрядился...» При виде Кати девушка помахала в воздухе рукой, изобразила на лице извиняющуюся улыбку и жестами пригласила её в гостиную. А оттуда уже доносился по-командирски громкий голос, говоривший что-то по-английски.

– Come on, Kurt, you have to taste it! It's Russian vodka, it's good for your health. By the way, do you know a Russian proverb... Well, it's like, what's good for a Russian is... Хотя ладно, это не очень в тему, – обернувшись к развалившимся на диване людям и хихикнув, пробормотала Лиза и тут увидела свою подругу в дверях гостиной. – О, Катюха приехала! Ребят, знакомьтесь, это Катя, моя одноклассница, ну я уже рассказывала.

Люди с дивана бурно и неразборчиво поприветствовали новоприбывшую, но Лиза, не давая ей опомниться, уже подхватила её под руку и усадила вместе с собой на широкое кресло.

– Ты представляешь, дикари какие, никто из них по-французски не говорит, ну что с ними поделаешь... Кстати, вот это Курт, – Лиза помахала рукой белобрысому пареньку, кото-

рого несколько секунд назад уговаривали отставить в сторону стакан виски-колы, который он сжимал в руке – Курт белоснежно улыбнулся и кивнул в ответ.

– Привет, – поздоровалась Катя, принаравливая громкость своего голоса к царившему здесь шуму, а потом опять чуть тише спросила:– А зачем он приехал?

– Да чёрт его знает. Наверное, город посмотреть. Неу, Kurt, why did you come to Petersburg? – крикнула она ему через всю комнату. Тот, уже сидевший на диване с какой-то девушкой и что-то ей говоривший, повернулся на секунду и сказал, – It's a long story! – затем рассмеялся.

– История у него длинная, видишь, – деловито перевела Лиза. Да ну его на фиг с его историями, ты-то как? Кстати, чего сидишь, покажи пример немчуре, там в холодильнике водка есть, и вино тоже, если хочешь. Виски, правда, уже допили...

– Да нет, спасибо. Я за рулём.

– О, это вообще шикарно, будешь нас по городу катать! – Лиза залилась пьяным смехом, потом опомнилась, – подожди, за каким рулём, откуда у тебя машина? Ты что, Данькину угнала? Вот это ты молодец, так с ним и надо!

– Да не угнала я, – поморщилась Катя, заранее боявшаяся этого вопроса, – он мне сам разрешил и страховку написал.

– Ну и хорошо. Главное, что ты приехала. Как ты, получше? Хотя, раз приехала, значит, не всё потеряно! Ладно, пойдём, я тебя со здешним обществом познакомлю.

Спустя каких-то полчаса Катя могла по праву считать себя своей в этой разношёрстной компании, постоянно обновляющей своей состав за счёт приходивших и уходивших членов. Мало кто запомнил её имя, да и она, если честно, уловила лишь два-три из обрывков разговоров. Она не потерялась в толпе, и, хотя чувствовала себя довольно неловко, но нашла в себе силы отдать себя на милость этим людям, довериться им, как доверяешь своё тело стремительному потоку, несущемуся вперёд. И люди оценили это доверие, ведь так и было принято среди них. Кто-то шутил с ней, кто-то рассказывал анекдоты, а кто-то даже порывался сыграть на гитаре – и всё это не переходило в разряд ухаживаний, оставаясь в рамках приятельского общения.

Публика подобралась творческая. Были поэты, музыканты, художники, были и такие, чьё творческое начало выражалось в поиске подходящих тусовок по интересам (а для этого действительно требуется талант), были даже те, кто обычно используют понятие «креативности» для оправдания своего слегка асоциального поведения. И, разумеется, определённый процент общества составляли миловидные барышни, не обладавшие ровным счётом никакими талантами, но неизбежные в таких компаниях. Был молодой художник, русский парень, обычно живущий в Нью-Йорке, но приехавший ненадолго погостить в родной город. Он по большей части помалкивал и лишь поглаживал свои роскошные усы, слушая кружащихся вокруг него девушек. Был тучный увалень-музыкант, шумный и добродушный, по имени, кажется, Вова, служивший одним из основных центров веселья в этом и так нескучном хаосе. Узнав, что Катя преподаёт французский язык, он тут же громогласно предложил ей сотрудничество в рамках созревшего в его голове проекта – он будет писать песни, а она переводить, вместе будут продавать, выручку пополам, ну или 70% на 30%, «как договоримся». Неизвестно, как давно на самом деле он придумал этот проект – кто знает, может быть, только что, и он всего лишь пришёлся к слову, но Катя со смехом согласилась и дала ему свой номер телефона, для обсуждения дальнейших подробностей. Забегая вперёд, следует сказать, что он ей так и не позвонил.

Все эти люди и множество других праздновали вечер очередного дня, до которого они дожили. Тот факт, что большинству из них не нужно было следующим утром идти на работу, лишь поддерживал их в решимости продолжать вечеринку во что бы то ни стало. Все они проснутся завтра часа в два-три дня, не совсем свежие, но хоть немного отдохнувшие, и отпра-

вятся – кто на репетиции, кто в студии, а кто и просто – на кухню, курить и смотреть в окно. А если кому-то и нужно было всё же прийти в офис к девяти утра и изобразить какое-то подобие деятельности, то благодаря постоянным тренировкам их организм был способен и на такое. Двадцать минут в вагоне метро, вздремнуть стоя в закутке между дверьми и сиденьем, а потом, даст Бог, и за монитором можно будет спрятаться.

А пока что веселье продолжалось. Гремела музыка, меняясь в жанрах, в зависимости от предпочтений заинтересованного лица, но нисколько не меняясь в громкости. Стол в гостиной был сдвинут в сторону, и некоторые девушки уже начали танцевать. Молодые люди, танцевать наотрез отказавшиеся, расположились на диване и с ленцой перекидывались мало-значительными репликами, наблюдая за девушками и периодически подливая друг другу алкоголя. Другая комната, размерами поменьше, была официально объявлена зоной романтики. В эркере, выходящем на ночной Литейный проспект, в креслах сидели двое-трое чудачков, с сосредоточенным видом читающих книги, наугад взятые с полок, а по центру комнаты на стуле сидел с гитарой солист одной известной питерской группы и пытался играть и петь для своих поклонников, рассеявшихся вокруг, какую-то песню о любви, но, будучи в изрядном подпитии, периодически забывал текст и в такие моменты переходил на матерные частушки. Поклонники были в восторге.

На кухне царил кулинарный ад. Все яства, приготовленные (или принесённые в готовом виде из магазина), были уже съедены, и теперь немногие ответственные люди пытались хоть как-то удовлетворить потребности желающих поесть или закусить. В ход шли толстые ломти хлеба и колбасы, а для особо важных случаев в буфете был припасен запас лапши быстрого приготовления. Роль лёгких закусок выполняли маринованные огурцы и маслины, стоявшие на столе, прямо в открытых банках. Желаящие вылавливали их вилками. Рассол, капавший с тех и других, смешивался на клеёнчатой скатерти в лужицы совершенно невообразимого цвета.

Но запасы провианта, как и силы бойцов, были на исходе. Алкоголь исчезал из бутылок и теперь клубился в воздухе в виде паров. Было предпринято несколько противозаконных попыток купить что-нибудь в круглосуточном магазине, не увенчавшихся успехом. Ряды постепенно стали редеть. Музыкант Вова возглавил шествие в сторону Думской улицы в поисках бара, в котором ещё можно найти свободное место. Некоторые благоразумно разошлись по домам, чтобы успеть отхватить у ночи последние часы сна. Несколько человек легли вповалку в третьей комнате, такой маленькой, что в ней помещалась лишь широкая двуспальная кровать, пришедшаяся очень кстати. В гостиной остались человек семь-восемь, рассеявшихся в круг на полу. Свет приглушили, вместо разухабистого Gogol Bordello включили меланхолический Dire Straits.

Опьянение проходило. Кто-то ещё мотал зудящей головой, а кто-то уже с вполне цивилизованным видом пил чай. Среди последних была и Катя. Она пила сама и разливала чай всем желающим, в том числе и Курту, принявшему свою чашку с неизменной европейской улыбкой.

Текла неторопливая беседа. Люди обсуждали недавние новости, просмотренные фильмы и прочитанные книги, рассказывали байки и анекдоты – негромко, полушёпотом, глядя друг другу в глаза. Честно говоря, эта часть посиделок понравилась Кате больше всего. До этого было необычно, оглушающе шумно, до такой степени, что не было слышно собственных мыслей – теперь же можно было услышать не только свои мысли, но и чужие, до того они все стали ближе друг к другу. Пускай это и было иллюзией, пускай утреннее солнце разлучит этих малознакомых людей, так и не сделав их друзьями в общепринятом смысле слова. Вряд ли они вообще когда-нибудь встретятся – в лучшем случае, добавят друг друга в друзья в Контакте – а если столкнутся где-нибудь на улице, то пройдут мимо, проводив друг друга неуверенной улыбкой; если же увидятся в схожих обстоятельствах, то, скорее всего, начнут своё знакомство

заново. Всё это было не важно. Именно здесь и сейчас Катя окончательно забыла о продуваемой всеми ветрами дамбе, на которой теряла тягу к жизни ещё несколько часов назад.

Лиза, вспомнив о возникавшем уже сегодня вопросе, спросила Курта по-английски:

– А всё-таки, зачем ты приехал в Питер? Неужели просто в город посмотреть?

– Ну да, именно посмотреть. Меня он с детства интересовал. Я много читал о нём, изучал его историю.

– Ну и как тебе?

– Очень красиво. Мне нравится. Очень европейский город.

– Вот, – протянул Уткин, полулежавший на полу, опираясь на согнутый локоть, – да, наш город может околдовать любого. Даже иностранцы приезжают увидеть Питер, и даже их он околдовывает.

– А что ты впервые услышал о Питере? Я имею в виду, какая первая ассоциация в памяти? Медный всадник, Нева, Достоевский? – в голосе Лизы послышалась неожиданная гордость.

Курт смутился.

– Ну, это тоже... Но дело ещё в том, что у меня тут прадедушка умер. Так я о нём впервые и услышал.

Все замолчали. В воздухе почувствовалось напряжение. Подумав пару секунд, Лиза спросила:

– В войну, что ли?

– Да.

– А как это случилось? В смысле, ты знаешь подробности?

– Немного. Он был лётчиком, управлял бомбардировщиком. Его сбили тараном. Самолёт упал в Таврическом саду. Кстати, Уткин, я говорил, что хочу туда сходить.

Уткин изменился на глазах. Бицепсы напряглись, взгляд постепенно стекленел.

– Ты мне об этом не рассказывал. Я думал, ты просто историю изучаешь.

– Ну да, так и есть! Это и есть история. Просто тут мировая история смешивается с историей личной, с историей семьи. Это же так интересно!

Энтузиазм Курта возрастал. Определённо, он получил возможность выговориться на тему, которая давно его занимала. Он так и увлёкся, что не обращал внимания на то, что остальные подобрались, нахмурились и не смотрели на него.

– И хотя война уже давно закончилась, всё равно это история для меня важна. Мне об этом долго не рассказывали. В первый раз рассказали, когда мне было лет шестнадцать. Мне тогда стало интересно, что это за город такой, так далеко от дома, где прадедушка погиб. Я много о нём читал. И действительно, такой красивый город. И так ужасно то, что здесь происходило.

Лиза кашлянула.

– Да, война – это ужасно. И блокада тоже была страшной. Даже сложно себе представить...

– Вот именно! Вот я и захотел представить себе, каково это было. Представляете, он летел над городом и бомбил. Ужасно, но ведь война была. И вот я хотел себе представить, как это лететь над таким красивым городом и бомбить его, нести смерть. Ведь в этом тоже есть какая-то красота, ужасная, но завораживающая. Как сказал ваш поэт: «Лучший вид на этот город – если сесть в бомбардировщик».

– Ах ты фашист, – по-русски пробормотал Уткин. Хоть внешне он выглядел трезвым, но в голосе слышались пьяные нотки, после которых обычно разрывают на груди рубашку и бьют себя кулаком в грудь. Курт не понял, что он сказал, но правильно интерпретировал интонацию.

– Послушай, я всё понимаю, но я просто так, рассуждаю. И потом, это ведь так давно было...

– Ну ты падаль, получай, – вскричал Уткин каким-то незнакомым голосом, неожиданно подскочил на месте. Курт рассчитал его движение, но от изумления не успел его опередить. Поэтому, когда Уткин уже стоял на полусогнутых, немец ещё пытался встать, опираясь ладонями в пол. Ударом ноги нападающий прервал это движение и повалил жертву на пол. В воздухе замелькали кулаки.

От неожиданности Катя отпрянула, упираясь ногами в пол, и закрыла ладонями глаза, но всё равно слышала глухие удары, пыхтение и, главное, истошный крик Лизы «прекрати, прекрати немедленно!» Потом кто-то толкнул стол, дёрнув лежавшую на нём скатерть. На пол посыпались бутылки и тарелки, разлетаясь на осколки. Катя подскочила, боясь порезаться, и опрометью, не разбирая дороги, бросилась прочь из комнаты.

Глава 7

После ножики ягнёнка, которая действительно заслуживала всяческих похвал, и бокала вина, которое было вином как вином, потому что Даня в нём совершенно не разбирался, он вышел на Риволи. Девушки, разумеется, уже и след простыл. Кстати, звали её Лена, как сообщил официант Максим. Больше информации он не предоставил, сославшись на незнание. И вот теперь Даня вновь оказался на улице один, как и час назад, несмотря на то, что только что умудрился познакомиться сразу с двумя людьми в совершенно незнакомом городе. «Неплохое начало для первого дня в Париже», – решил Данила и похлопал себя по животу, как привык делать в минуты сытости и довольства. Теперь, несмотря на инцидент, следовало вернуться к дообеденному созерцанию окружающей местности, однако мысли уже изменили своё направление, восприятие его притупилось, уделяя теперь больше внимания не внешним раздражителям, а внутренним переживаниям и воспоминаниям. Он зашагал дальше по аркаде. Лишь краем глаза он заметил памятную табличку «Leon Tolstoi (1828—1910) reside dans cette immeuble en 1857» и рассеянно подумал: «Повезло ему...»

Сказать по правде, знакомство с симпатичными девушками, равно как и развитие отношений с ними, вовсе не входило в его планы. Он руководствовался метафизическими умозаключениями, да и попросту любопытством – что уж греха таить, но практических планов насчёт поездки не имел, попросту забыл их составить, будучи чересчур поглощённым размышлениями о высоком. Однако реальный мир заявил о своём существовании, пользуясь образом прелестной незнакомки. Реальный мир и раньше поступал с Данилой подобным образом, и Данила уже перестал этому удивляться. По-настоящему отвлекаться он умел только на женщин, и те ценили этот подход, не обделяя его вниманием. Ради девушек он был способен на подвиги. Собственно, отношения с девушками всегда и представляли собой череду подвигов. Подвиг в широком понимании этого слова – всё что угодно шло в ход, чтобы поразить девушку. Как-то раз он влез по водосточной трубе на третий этаж общежития на Ленской улице (правда, чуть не сорвался по дороге, поэтому на подоконнике избранницы он появился вмиг протрезвевший, с трясущимися руками и выпученными глазами). Ради другой он штудировал путеводители по Эрмитажу, и, уже оказавшись там, увлекал её за собой по широким, наполненным цветом и светом, залам, взахлёб рассказывая увлекательные истории об экспонатах, и сопровождал всё это щедрой жестикующей и общим вдохновлённым видом. Разумеется, выучить всю информацию было невозможно, поэтому Даня выбирал лишь несколько вещей – среди его фаворитов были «Святые апостолы Пётр и Павел» Эль Греко, «Поцелуй украдкой» Фрагонара и статуя Вольтера работы Гудона. Если же девушка вдруг некстати задавала вопрос о картине, которой он вовсе не знал, Даня мотал головой с недовольным видом, давая понять, что картина эта ничем не примечательна, и увлекал девушку дальше, возвращаясь к заученной экскурсии. Как-то в другой раз, находясь в гостях в компании очаровательных первокурсниц, он рискнул устроить спиритический сеанс и вызвать какого-нибудь местного духа. К делу подошли серьёзно, погасили свет, зажгли свечи и соорудили спиритический круг. Обстановка стояла торжественная. Однако вместо духа они случайно вызвали кота, который до этого спал в другой комнате. Кот, любопытствуя, проследовал к закрытой двери между комнатами и попробовал открыть её лапой. Скрип зловеще открывающейся двери прозвучал особенно громко в тишине, последовавшей за вопросом «Кто ты, дух?» и потому вызвал бурную истерику у девушек, да и самого Даню напугал не на шутку.

Необходимо было заставить обратить внимание девушки на себя, а далее это внимание не только поддерживать, но и усиливать – да так, чтобы девушка постоянно находилась с открытым ртом. С этого начинались все романы Данилы – этим они, к сожалению, и заканчивались. Он не умел ничего, кроме подвигов. Рано или поздно девушка уставала находиться с открытым

ртом, начинала не поспевать за галопом скачущим Даней, и самое главное – понимала, что в ответ на всё подаренное ему внимание неплохо было бы получить какого-нибудь внимания в ответ. Но всё было напрасно. Даня умел очаровывать, умел поражать, но не умел спокойно разговаривать. Будучи в образе романтического влюблённого, он мог прочесть пылкий монолог о чувствах и затем испортить весь эффект, случайно назвав Машей возлюбленную, которую вообще-то звали Даша. Делалось это не со зла, во всём виновата была восторженная рассеянность, однако девушки обижались и бросали Даню. Он в ответ тоже обижался, искренне не понимая причин разрыва, однако со временем научился предчувствовать его приближение и бросать девушек заранее. После этого он углублялся в депрессию и самосозерцание, пока какая-нибудь очередная милая улыбка и стройная фигурка не извлекали его из этого состояния, как пробку из бутылки шампанского.

С Катей же всё было не так, благодаря её характеру. Будучи человеком меланхоличным и спокойным, она с одинаково ровной улыбкой взирала на все безумства, которые он пытался проворачивать в самом начале их отношений, и не выражала ни грамма восторга. Перебесившись, Даня понял бессмысленность своего метода и взглянул на Катю по-новому, внезапно повзрослевшим взглядом, успокоился сам и счёл эту девушку лучшим проявлением реального мира, которое когда-либо вторгалось в его жизнь. Благодаря этому они смогли провести в обществе друг друга три года, прежде немыслимые для Дани. Проблемы возникли недавно, откуда не возьмись, и Даня постоянно возвращался к ним в своих мыслях и не был уверен в способе их решения, однако он всё же отдавал должное чувству, тянувшему его к Кате.

И вдруг появилась эта незнакомка. Даня почувствовал дрожь предвкушения в груди, с которой он, как считал, распрощался навсегда и не надеялся более почувствовать. Разум твердил ему не предпринимать резких движений, однако инстинкт охотника просыпался в нём, и с разумом он не имел ничего общего. Желание подвига смутно зрело внутри, не принимая пока что никаких конкретных форм. В конце концов, он уже совершил своего рода подвиг, приехав сюда – кто знает, как Париж отреагирует на него. Он дал согласие на приключение, и теперь оно, кажется, начинает его настигать. И как всегда в таких случаях, когда неотступные мысли делают тело беспомощным и оцепенелым, Даня потряхнул их с себя, легкомысленно пробормотав «Fais ce que dois – adviegnе que peut».

Всё это время он продолжал идти по колоннаде, и повинувшись ей, свернул с Риволи на улочку, мало чем отличающуюся от виденных до этого и тем самым весьма радующую глаз. Когда узкое, стеснённое пространство разрослось широкой, наполненной свободным воздухом площадью с колонной посередине, Данила замер в изумлении, разом позабыв обо всех остатках мыслей, ещё тревоживших его, словно эта самая колонна ударила его по темечку и лишила всяких чувств. Перед ним простиралась Вандомская площадь. Зазвучал в голове собственный голос:

Вандомская площадь – одна из самых известных площадей Парижа. Она украшена величественной Вандомской (что логично) колонной, которая отлита из захваченных русских и австрийских пушек и посвящена победам Наполеона в войне 1805 года. Любопытное применение пушек, однако для жителя Петербурга оно в не новинку – как известно, ограда Преображенского собора также была сооружена из турецких пушек, захваченных во время войны. Видимо, в этом акте сливаются в единое целое два извечных занятия человека – убийство и искусство. Результат можно оценивать двояко. Либо это прославление войны, либо, наоборот, пример того, как следует поступить со всем оружием в мире. Лично я придерживаюсь довольно циничной точки зрения и полагаю, что не стоит подозревать создателей подобных произведений искусства в излишней концептуальности и тяге к скрытым смыслам. Им всего лишь был нужен

материал, и они использовали то, чего вокруг них было в избытке, только и всего. Вывод неутешительный, но характеризующий человечество весьма определённым образом.

Как бы то ни было, многими интеллектуалами колонна была принята в штыки, как верноподданническое прославление милитаризма. Всё чаще звучали голоса, требовавшие снести её. Один из этих голосов принадлежал известному художнику Гюставу Курбе, и с приходом Парижской Коммуны ему представилась соответствующая возможность, когда он стал комиссаром по культуре. Колонна была повалена на землю под ликующие крики зевак. Однако после скорого поражения Коммуны вернувшееся правительство приказало восстановить колонну в её прежнем виде, а со своеговольного художника взыскать все расходы. Курбе скрылся в Швейцарии, где через несколько лет умер в полнейшей нищете.

Какая мораль? Да никакой, разве что можно убедиться, что история своим плавным течением смывает все человеческие эмоции и переживания с творений человеческих рук. Чувства мимолётны (в историческом масштабе), а камень и металл – вечны. Памятники, монументы, дворцы теряют свою идеологическую основу, становясь вполне себе самодостаточными сооружениями. Теперь всё, что может символизировать Вандомская колонна – это лишь саму себя. Ну и Париж, разумеется.

Прогулявшись по светлому, нагретому солнцем граниту мостовой и налюбовавшись видом легендарного отеля «Ритц», Даня решил двигаться дальше. Маршрут не был определён, однако отчётливая усталость в ногах призывала направиться в сторону отеля. Даня решил повиноваться, но сообразил, что если он пойдёт прямо, то снова выйдет к старой знакомой – Гранд-Опера. Повинуясь походному правилу «не возвращаться тем же путём», он ушёл с большой дороги и углубился в узкие переулки, которые следует признать основной составляющей города Парижа. В этом лабиринте он немного заплутал и решил придерживаться одного направления, примерно ведущего в сторону отеля. Выйдя на Rue de Provence, он твёрдо решил никуда не сворачивать и шёл по этой неширокой улице, которая состояла из двух тропинкоподобных тротуаров и двух автомобильных рядов, один из которых был заставлен припаркованными машинами и мотоциклами, а в другом двигались машины и мотоциклы, которые припарковаться не успели и теперь тщетно искали освободившееся местечко. Направление было выбрано исключительно верно, потому что некоторое время, к удивлению Дани, Rue de Provence перешла в Rue Richer и привела к родному отелю. Портье подал ключ и через минуту томительного подъёма на лифте (на лестницу сил уже не хватало) Даня повалился на кровать и на секунду закрыл глаза.

Глаза открылись через час – если можно было верить часам. На улице был ранний вечер. Даня встал с кровати и с лёгким чувством вины снял ботинки. Затем вышел на балкон и уселся на его пороге. Сквозь решётку ограды видно было окно напротив. Оно было открыто, внутри квартиры перемещались её обитатели. Зажигали свет, переодевались в домашнее, готовили ужин и усаживались в большой гостиной перед телевизором. Разумеется, всех этих подробностей видно не было, но их можно было домыслить. Парижане возвращались домой после рабочего дня. Или, вместо дома, отправлялись за праздными вечерними развлечениями. Шли по улице девушки в лёгких платьях и смеялись о своём. Мимо них проезжали молодые парни на Веспах и не могли удержаться от того, чтобы не оглянуться, пускай даже с риском для жизни. Возможно, обогнув квартал с разных сторон, они случайно встретятся в одном и том же баре. Даже машины, проезжавшие, как и утром, по улице, теперь, казалось, передвигались мягче и нежнее, словно кошки, и в звуке их двигателей можно было даже различить некое воодушевление, словно им самим было в радость катать своих хозяев по остывающему после жаркого солнца городу.

Данила сидел, не шевелясь, и вспоминал сегодняшний день. Действительно, более чем достаточно впечатлений для одного дня. Всё прошло как во сне, когда одна за другой следуют невероятные сцены, но вместе они не вызывают отторжения и даже сомнения, наоборот, такие сны сопровождаются неизбежным чувством гармонии, которое нарушается лишь пробуждением. Первым делом он отогнал от себя мысль о том, что вот-вот ему предстоит услышать звон будильника. Ну уж нет. Париж был реален, это следовало признать. И вслед за этим следовало взять себя в руки. Он чувствовал, что мечтательный туман, окутывавший его на протяжении всего дня, постепенно начал отступать. Подступала лёгкая тревога, не тревога, даже, а беспокойство. Наступала минутка здравого смысла, и пора было задуматься о насущных вещах. Например, о финансовой стороне дела.

Любая мечта, имея перед собой малейшую, хотя бы теоретическую возможность сбыться – словом, мечта, представляющая из себя черновой набросок плана действий – неизбежно сталкивается с вопросом денег. Это сочетание идеализируемой цели с материальными способами её достижения не должно никого смущать – возможно, это единственно правильное сочетание, и два этих составляющих поодиночке не представляют собой никакой ценности – более того, в таком виде они могут быть опасны. Дорога ценна, куда по ней идут ноги.

Данила достал деньги из всех своих потайных запасов и пересчитал. Беспокойство отступило, свернулось в клубок и с довольным видом замурчало, как наигравшийся котёнок. О деньгах можно было пока что не беспокоиться. Судя по подсчётам, основанным на сегодняшних расходах, денег должно было хватить ещё минимум на недели три вполне сносного существования в недешёвой французской столице. Нельзя было забывать о том, что у него не было обратного билета, но эта проблема пока что была далеко.

Деньги на поездку появились у Дани внезапно. Настолько, что в их появлении чувствовалось некое вмешательство судьбы, и именно это чувство убедило Даню, что деньги следует использовать именно так. У Дани была неплохая зарплата, он не чувствовал себя нуждающимся. Новая одежда покупалась исправно и в срок, носки не успевали обзавестись дырками, а рубашки – протёртыми манжетами и воротничками. Постоянно дорожающий бензин также не был проблемой, и бак его Пежо всегда был полон. Иногда хватало денег и на, как они с Катей говорили, «излишества». Раз в одну или две недели они могли позволить себе хороший ресторан – хотя он и чувствовал себя поначалу неловко, словно бы порываясь достать из кармана бумажник и продемонстрировать его официантам – «Честное слово, у меня есть деньги!» Иногда они могли арендовать кораблик, чтобы просто покататься по питерским каналам. Квартира их периодически оживлялась появлением какого-нибудь нового предмета интерьера, чья практическая ценность часто оказывалась под сомнением.

В этом-то и заключалась проблема. Даня совершенно не умел копить и откладывать, он жил в точном соответствии со своей зарплатой. Деньги не задерживались в его руках. Он бы попросту не смог собрать сумму, необходимую для поездки. Вернее, возможность «накопить» даже не приходила ему в голову, и именно поэтому мечта заочно объявлялась труднодостижимой. Робким попыткам Кати складывать деньги в шкатулку мешали разнообразные причины: концерт всемирно известной группы, новый гаджет из магазина электроники, да или просто друг попросил взаймы – Даня был тут как тут, широта души и определённая гордость не позволяли ему мелочно пересчитывать купюры. Париж продолжал оставаться в дымке неопределённости, но помог случай. Даню уволили.

Его невзлюбила главная бухгалтерша. Нелюбовь эта была странна и даже фанатична, и, хотя размах её сложно было объяснить, её истоки поддавались анализу. Проблема заключалась в том, что Даню довольно часто недолюбливали женщины бальзаковского возраста. То ли несчастливые воспоминания о былых ухажёрах всплывали в их памяти, то ли просто зависть застилала им глаза, когда они видели его перемигивающимся с какой-нибудь молодой девчонкой. В результате он достаивался презрительных взглядов и змеиного шипения

чаще, чем заслуживал того на самом деле. Разумеется, не все женщины были такими, некоторые могли ласково посмеиваться над его выходками, и даже флиртовать – не выходя при этом за рамки игры или приличий. Однако тенденция сохранялась. Периодически он встречал женщин с первыми признаками увядания на лице, у которых его собственное существование вызывало полное отторжение, и проще было сбежать от конфронтации, чем пытаться миролюбиво заслужить доверие. Одной из таких дам была Яна Александровна, по должности – главный бухгалтер. Для краткости, да и просто потому что «так было принято», все называли её Яна Санна. Рыбий, непонимающий взгляд исподлобья, блеющий голос и нескладная тюленья фигура – во всем это сложно было заподозрить достойного врага. И это было огромной ошибкой. Первый год прошёл спокойно – видимо, тогда её неприязнь не превышала среднего, бытового уровня, с которым каждому из нас иногда приходится сталкиваться. Возможно, тогда Яна Санна полагала, что Даня здесь не задержится, и предпочитала не растрчивать яд понапрасну. Но поскольку даже он сам в то время не строил никаких далеко идущих планов и с трудом понимал, как ему поступать с собственной жизнью, то уж какой-то бухгалтерше и подавно не дано было предугадать его действия. Даня начал обустраивать вокруг себя зону комфорта – подружился, насколько это возможно, с коллегами – и с косноязычными механиками, и ослепительно-красивыми девушками, которые занимались тем, что стояли на входе и улыбались клиентам (название их должности настолько не соответствовало её сути, что совершенно не отложилось в памяти). Даня, как мог, валял дурака, острил и смешил людей вокруг себя. В то же время он был единственным, кто помнил даты дней рождений всех своих коллег, так что завкадрами могла и не заглядывать в свой специальный файл. Другими словами, Даня идеально вписался в коллектив и пользовался популярностью. Это лишь подогревало ненависть Яны Санны, и вскоре начались первые атаки – мелкие укусы, значение которых, однако, должен был понять любой более-менее проницательный человек. Мелкие замечания, придирки сначала по работе (неправильно заполненная ведомость), потом по внешнему виду (галстук, причёска и т.д.). К сожалению, Данила не был проницательным человеком и напрочь отказывался им становиться. Вслед за этим Яна Санна убедила саму себя, что Даня нечист на руку. Мало-помалу, она заронила сомнение в души многих коллег. Она придиричиво проверяла все его бумаги, сверяла суммы настолько тщательно, словно расследовала многомиллионное хищение, а не просто подписывала очередную бумажку из сотни тех, которые ей приносили каждый день. Для полного унижения она в присутствии Дани звонила его коллегам и уточняла, не зависил ли он указанные в документе суммы. Даня краснел и стискивал зубы. К тому времени он уже начал понимать её намерения. Он терпел по одной простой причине – один знакомый юрист объяснил ему, что таким образом самодурствующая бухгалтерша добивается, чтобы он уволился по собственному желанию, чтобы не платить ему выходное пособие. Даня решил не сдаваться и принял вызов. Он терпел унижения, он терпел подозрения в халатности и растрате. Следует заметить, что подобные условия парадоксальным образом сказались на его работе. Ранее рассеянный и легкомысленный, он смог мобилизоваться настолько, что с разумных точек зрения придрататься к нему не было ни одного повода. Это лишь больше злило Яну Санну, её претензии становились всё абсурднее. Даня терпел это, хотя нервы сдавали, и общение с Катей в то время сопровождалось несколькими глупыми ссорами. Но победа всё же осталась на его стороне, хотя победой это можно было назвать относительно. Его всё же уволили по какому-то надуманному поводу, однако выплатили зарплату за четыре месяца. Осадок некоего предательства остался в душе, и чтобы поскорее вымарать его оттуда, Даня вспомнил о своей мечте. Мечте, теперь вполне осуществимой.

Вернувшись в реальность, он вышел на балкон, вдохнул побольше местного воздуха, и затем вернулся в номер – записать в блог все сегодняшние наблюдения.

Глава 8

Круглосуточный травмпункт находился на улице Правды. Район этот располагается чуть в стороне от кипящей жизни города, и днём здесь тихо и спокойно, как в бабушкином шкафу, хотя и немного одиноко. Ночью же здесь становится жутковато от бесцветно-грязных стен с подслеповатыми окнами и чернеющими провалами дворов, похожих на беззубые пасти. Если здесь ночью оказывается прохожий, то он старается поскорее пройти эту улицу до конца, к шумной Владимирской площади, испытывая страх вовсе не за свой кошелёк или жизнь, а гораздо более странную его разновидность – абсурдную тревогу, шепчущую на ухо, что из-за угла сейчас донесётся цоканье исполинских копыт и простёртая медная длань торжествующе нацелится тебе в сердце – извечный кошмар многих петербуржцев, впитанный ими с детства. И даже белая ночь не спасает от него, а лишь усугубляет, привнося ещё больший градус иррациональности.

Впрочем, это подходящее место для такого заведения, как травмпункт. Сюда Катя привезла окровавленного Курта. Всю дорогу он причитал: «Ну что я сказал, это ведь в прошлом, сейчас мир, что я сказал?» – и при этом старался не испачкать кровью заднее сиденье Пежо. Лиза осталась в квартире, чтобы прибраться. Всё ещё kloкочущего гневом Уткина подвергли остракизму в маленькой спальне, где он вскоре, несмотря ни на что, заснул. Остальные гости разбрелись, не прощаясь, справедливо полагая, что вечеринка на этом закончена. Помочь вызвались Катя и ещё один парень, присутствовавший при инциденте. Вдвоём они помогли шатающемуся Курту пройти несколько метров по тротуару к травмпункту и затем подняться наверх, к единственному кабинету, из-под двери которого выбивался жёлтый свет. На стук открыл коренастый врач с седоватой бородой, от которой явственно тянуло водкой. Он укоризненно посмотрел на посетителей, словно они пришли среди ночи в его собственный дом, но, увидев лицо Курта с разбитым носом и рассечённой бровью, по-отечески поманил его внутрь рукой, велел остальным дожидаться в коридоре. На робкие возражения Кати о том, что он не говорит по-русски, врач житейски ответил: «А чего мне с ним разговаривать, и так понятно». Дверь закрылась, они остались в коридоре вдвоём.

– Ну что ж, самое время познакомиться. Ты ведь Катерина?

– Обычно Катя, но можно и Катерина, – устало сказала она, – извини, а как тебя зовут? Я не расслышала в этой суете.

– А я Андрей. Можно Андрюха или Андрюшка. Очень приятно.

Он был на вечеринке, однако Катя там с ним почти не разговаривала. Почему-то так получалось, что они каждый раз оказывались в разных помещениях, Катя подсознательно старалась держаться поближе к Лизе, а Андрей находился преимущественно на кухне, общаясь с орудовавшими там девушками, либо сидел на ступеньках лестничной клетки и курил в окружении других гостей. С Катей они лишь изредка сталкивались в прихожей, спотыкаясь о разбросанную обувь, и улыбались друг другу, но не заговаривали, не имея подходящей темы.

Это был высокий брюнет с приятными, чуть насмешливыми чертами лица. Его даже можно было назвать симпатичным, и многие девушки были солидарны с этим мнением, не обделяя его вниманием. Одет он был в ярко-оранжевую футболку с расплывчатым узором, его левое ухо украшала серебряная серьга, а запястья – многочисленные цепочки, браслеты и феньки, позвякивающие и перекатывающиеся при движениях руками. Они определённо были его гордостью. Катя обратила внимание на то, как он, заметив на руке одной из девушек замысловатый кожаный ремешок, предложил ей поменяться и выбрать любой понравившийся из его коллекции. Девушка долго теребила украшения на его волосатых руках, и невооружённым взглядом было видно, что процесс занимал её куда больше результата. Андрей сопро-

вождал это действие довольной, добродушной улыбкой и комментариями из разряда «Смотри, не продешеви!»

Он понравился Кате. Этому способствовала не только внешность, но и расслабленность в его поведении. От большинства присутствующих молодых людей его выгодно отличало чуть ленивое спокойствие и самоуверенность, которая, впрочем, ни для кого не была оскорбительной. В то время как остальные горячились в попытках привлечь к себе внимание женского пола, пытались как можно ярче проявить себя на фоне общества, и потому раздражали своей суетливостью, Андрей вёл себя так, что становилось понятно – он был вполне доволен собой, своим положением в обществе и в мире, и потому не делал попыток что-либо изменить. Это давало ему возможность относиться с уважением к другим, и к девушкам, и к парням – слушать, не перебивая, и говорить лишь тогда, когда есть что сказать. Видимо, благодаря этому качеству он и помог Лизе в улаживании конфликта, и вызвался помочь Кате отвезти Курта в больницу, в то время как остальные молодые люди сделали вид, что они слишком пьяные или слишком уставшие, или честно признались в своей лени. Катя и Андрей сопроводили Курта до машины, сам он прижимал к лицу кровавый ком туалетной бумаги. Катя всё ещё нервничала после увиденной сцены, но её спутник своими легкомысленными разговорами помог ей снять напряжение.

– Знаешь, Катерина, не обижайся, но по тебе видно, что ты не большой специалист по этим делам. Так что сообщаю, вполне себе типичная ситуация, никакой трагедии нет, всё идёт по плану.

Катерина, разумеется, обиделась.

– В чём это небольшой специалист?

– Ну, в пьяных дебошах. Извини, мне так показалось. У тебя вид такой... интеллигентный. Хотя я могу и ошибаться, и на самом деле ты знатная дебоширка и хулиганка. Тогда приношу свои извинения.

Андрей насмешливо склонил голову, всем своим видом намекая, что только что отвесил изысканный комплимент.

Катя рассмеялась.

– Так уж и быть, признаюсь, хулиганить мне ещё не приходилось. Да и выпиваю редко. Хотя настроение в последнее время такое, что, кажется, успею наверстать...

– Тогда мы очень удачно с тобой встретились. Я большой специалист, – скромно признался он.

– Ну надо же. И что, часто такое бывает?

– На травмпункт редко тянет, но просто так руками помахать – таких любителей полно. Пары алкоголя, знаешь ли... Ты не подумай, сам-то я не любитель, просто вижу такое часто.

– Само собой, – успокоившись после нервного трёпки, Катя незаметно для самой себя перешла на сарказм. – И как, из-за чего обычно дерутся специалисты этого дела?

– Да из-за глупостей. Кто-то не так на кого-то посмотрел, что-то не так сказал. Чем, разумеется, задел человеческое достоинство оппонента, – Андрей сделал неопределённый жест рукой, а именно пошевелил пальцами и легко махнул ладонью, при этом немного скривив лицо. По всей видимости, эта пантомима должна была изображать его отношение к описанной ситуации.

– Отдельный жанр – драка из-за девушки. Есть в этом что-то такое, знаешь... благородное, что ли? Правда, девушки обычно этого не ценят и уходят с третьим, пока первые двое дерутся.

– Да, мы так умеем... Хотя, честно говоря, откуда мне знать. Из-за меня никогда не дрались.

– Ну это большое упущение. Я бы с удовольствием из-за тебя подрался, да только тут не с кем. Разве что с врачом. Курт уже точно не боец, хватит с него... Или знаешь что? У меня

идея! Давай будем всем говорить, что это они из-за тебя подрались! Так сказать, честь прекрасной дамы и так далее... А из-за чего на самом деле – мы никому не скажем, – Андрей заговорщицки подмигнул Кате.

– Договорились, ловлю на слове. А если серьёзно, ты бы подрался из-за такого?

– Как эти двое? Да нет, вряд ли. В смысле, у меня конечно прадед на войне погиб, а прабабка почти всю блокаду в Ленинграде провела, ну так что же теперь, всем немцам морду бить? Да и потом, это ведь другие немцы. Война закончилась, мы победили. Только мы всё ещё продолжаем воевать, как будто нам не поверили. Все уже дальше живут, а мы всё воюем... Нет, не стал бы я драться, глупость какая-то. И вообще я драться не люблю. Вот был случай, когда я пьяного друга тащил домой, а из-за угла...

Имея большой опыт в другой области, а именно в вымученных разговорах и неловких паузах, Катя подсознательно готовилась к постепенному затуханию речи, снижению осмысленности реплик, которые вскоре сменяются смущёнными улыбками и, наконец, гнетущей тишиной между людьми, которым попросту нечего друг другу сказать. Это случалось с ней сплошь и рядом, и винить можно было либо её саму за собственную закрытость и недостаточное внимание к собеседнику, либо её собеседников за то, что их терпения не хватало на преодоление невидимого барьера, и они слишком рано сдавались, мысленно махнув рукой: «Какая-то она странная». Но сейчас ничего подобного Катя не ощущала. Андрей и не пытался поддерживать разговор, не искал её мнения и не требовал одобрения. Он всего лишь говорил, ловко находя подходящие моменты для пауз, в которые Катя могла уместить одну-две фразы, или просто мычание или кивок головой – не слишком ценные в информационном плане, но всё же они свидетельствовали о её приобщении к беседе. Во всяком случае, нечасто приходилось Кате почувствовать себя участницей диалога, может, и не приносящего особого удовольствия, но, во всяком случае, необременительного. Когда поток историй, подходивших к случаю, иссяк – Андрей рассказывал о похождениях своих друзей (а может, и самого себя), в которых все персонажи только и делали, что пили водку, дрались, попадали в милицию или в больницу, и при этом, благодаря дару рассказчика, оставались обаятельными и непосредственными – так вот, когда этот поток неизбежно иссяк, и оба замолчали, то Катя не испытала привычной неловкости.

Оглядев по привычке ногти, а затем сумрачный потолок над головой, Катя вспомнила о цели их визита и взглянула на дверь, из-за которой доносилось немецкое ойканье и гнусавый, успокаивающий бас доктора. Курт вышел в коридор, замотанный бинтом и с пятнами зелёнки на лице, и посмотрел на своих спутников с по-детски беспомощным видом. Андрей вскочил и начал успокаивающе приговаривать что-то вроде «До свадьбы заживёт», чего его собеседник, разумеется, не понимал. Кате же стало его просто жалко. Нельзя сказать с уверенностью про его прадедушку, но он сам приехал, не неся в душе зла, наоборот, открыв её нараспашку, словно проветривая комнату с застоявшимся, пыльным воздухом. Любопытство, наивность и широкая, искренняя улыбка – все эти детские качества привели его в незнакомую страну, известную лишь по страшным рассказам родственников, новостным выпускам сомнительного качества да русской литературе, всё ещё живой под яркими мягкими обложками. Однако Россия, в своих бесконечных несчастьях обозлившаяся и не доверяющая улыбчивым иностранцам, припомнила ему прегрешение прадеда и выдумала единственную возможную месть обгоревшему телу, лежавшему среди обломков самолёта посреди Таврического сада – наказать ни в чём не виноватого правнука. Чем вероломней преступление, тем бессмысленней наказание. Катя хотела утешить его, но не нашла подходящих слов.

Притихшего Курта усадили на заднее сиденье. Андрей сел спереди, нашёл невесть откуда взявшийся в бардачке диск «Короля и шута» и включил, стараясь развеселить немца. Всю дорогу Андрей ехал спиной вперёд, повернувшись к Курту и стараясь уговорить его подпевать, показывая собой пример. Оперировал он фразами, произнесёнными по-английски и с ужас-

ным акцентом, в котором особенно выделялось настырное «з» вместо английского «th». Катя вдруг с удивлением поняла, что Андрей почти не говорит по-английски и оперирует теперь минимальным словарным запасом, почерпнутым скорее из текстов песен, чем из учебника. Его же самого это совершенно не смущало и полное отсутствие грамматики он успешно заменял своим энтузиазмом. Курт смотрел по сторонам, что-то мычал и иногда с опаской ощупывал распухший нос, словно он был чужим.

Дверь им открыла Лиза, успевшая примерить на себя образ уставшей матери, встречающей загулявшего допоздна сына. Она проводила Курта до его комнаты, затем вернулась в прихожую к Кате и Андрею и предложила им тоже переночевать, однако нотки радушия в её голосе практически не ощущались. Катя покачала головой и уже начала было разворачиваться по направлению к выходу, но в процессе не очень ловко остановилась, посмотрев на Андрея. Тот смотрел себе под ноги.

– Тебя подвезти? – спросила она его, и тут же сообразила, что Андрей ещё не изъявлял желания уйти.

Он словно бы спохватился, замялся, кинув быстрый взгляд сначала на Катю, потом на Лизу, и пробормотал:

– Конечно! Ну если тебе удобно... Мне на Петроградку. В принципе, недалеко.

Катя поспешно кивнула в направлении пола, боясь поднять глаза на Лизу. Затем вышла из квартиры, спиной чувствуя мерещившиеся ей многозначительные улыбки, и вызвала лифт. Лиза вышла проводить их на лестничную клетку и успела в уже скрипуче-закрывающиеся двери лифта ободряюще подмигнуть Кате. Андрей сделал вид, что не видел этого, рассматривая табло с кнопками.

На улице стояла ночь, пронзённая янтарным светом фонарей. Свет отражался в пустых оконных стёклах и в смоченных дождём улицах, подчёркивая рельеф асфальта. И хотя окружающий город и нельзя было назвать абсолютно пустым – то проезжала на большой скорости машина, то появлялась в арке чья-то фигура и исчезала в другой арке – но всё же чувствовалось, что некие бесплотные силы переводят дух после дневного нашествия людей и вновь овладевают принадлежащим им по праву городом.

Они вышли на Литейный проспект. Оглядевшись вокруг, Катя поняла, что на Дровяной не поедет. С тех пор, как уехал Даня, стало казаться что из квартиры этой выкачали весь воздух, и что голова в ней вот-вот взорвётся в невыносимой тишине вакуума. Сейчас там пусто, мерно дышит темнота, а из окна, на самом дне августовской ночи видна белая женская фигура – памятник в сквере напротив. На подоконнике отражаются синие и красные огоньки от бензоколонки в створе улицы, за Пряжкой. Да проезжает иногда по улице малолитражка, которая словно бы заблудилась и теперь ищет свой дом. Нет, ехать можно было только к родителям на Васильевский.

– Слушай, ты извини, что я вот так, – едва сев в машину, начала Катя. – Вдруг ты хотел остаться... Я просто машинально, думаю, подвезти...

– Кать, да ты чего, за что извинять-то? – искренне удивился Андрей. – Наоборот, здорово, что ты меня до дома подвезёшь. Мне уж действительно домой пора, на работу скоро.

– И когда тебе на работу?

– Классика, к девяти.

Катя скептически посмотрела на часы. Они показывали без десяти четыре. Андрей проследил за её взглядом и рассмеялся:

– Ну, значит, к десяти. Подождут, и вообще, сколько можно... Ой, смотри, небоскрёб.

Уже сонная Катя не сразу сообразила, что он имел в виду, но, посмотрев прямо перед собой через ветровое стекло, смогла убедиться в его правоте. Посреди дороги высился тёмный прямоугольный силуэт, высотой превышающий все соседние дома и по краям слегка подсве-

ченный светящимися точками. Кате понадобилось около двух-трёх секунд на то, чтобы рациональное начало в ней одержало победу.

– Это не небоскрёб, это Литейный мост развели! Слушай, а наши мосты тоже уже развели?

– Я полагаю, есть только один способ это проверить – озорно протянул Андрей.

Катя круто развернулась (даже не поняв, нарушила ли она правила или нет) и через метров сто свернула на улицу Пестеля. Машина летела вперёд, прямо к изящному силуэту Пантелеймоновской церкви, рёв двигателя отражался от покрытых щербатой штукатуркой стен, а Андрей гнул своё:

– А всё-таки жалко, что не небоскрёб. Представь, было бы смешно – выходим, а тут небоскрёб построили...

Они переехали Фонтанку, обогнули сумрачную махину Летнего сада и уже отсюда увидели, что опоздали. Подъехав ближе и припарковавшись, они вышли из машины. Створка Троицкого моста стояла почти вертикально, фонарные столбы были похожи на голые ветки, а у её подножия дежурили мрачные полицейские.

– Ну вот мы и приехали, – протянул Андрей, – мне как раз на тот берег надо.

Катя покопалась в бардачке и нашла то, что искала. Даня предусмотрительно запасся расписанием разводки мостов. Документ этот настолько важен для петербургских водителей, что встречается у них почти так же часто, как карта города.

– Смотри, Троицкий сведут через два часа, – сказала Катя.

– Понятненько... А тебе куда нужно?

– Мне на Ваську. Вот, могу успеть на Шмидта, его сейчас на полчаса будут сводить.

– Ну ладно, езжай тогда, не буду больше задерживать, – развёл руками Андрей.

– А ты как? Что, так здесь и останешься?

– Да что такого? По Марсову полю прогуляюсь, у огня погреюсь. Время быстро пролетит.

– А за мостом... тебе далеко?

Андрей пожал плечами.

– Да нет, минут пятнадцать пешком. Я на Каменноостровском живу, в доме Бенуа, слышала о таком? Там во дворе ещё кино часто снимают, – объяснил Андрей, и извиняющимся тоном добавил, – Я там комнату в коммуналке снимаю.

– И хорошее кино? – невпопад спросила Катя, просто чтобы что-то сказать.

Андрей рассмеялся.

– Да я не знаю, сериалы какие-то. Ладно, езжай, а то на мост опоздаешь. Спасибо, что подвезла.

– И тебе спасибо, – машинально ответила Катя и села в машину. Андрей помахал рукой, и она тронулась с места.

Мост Лейтенанта Шмидта дождался её и пропустил на другой берег. Он уже несколько лет назывался Благовещенским, и хотя название было недурно, да и больше подходило мосту, первым встречающему корабли из Финского залива, всё же Лейтенант Шмидт осел в памяти Кати с детства, и она никак не могла заставить себя называть его по-другому, подтверждая своё василеостровское происхождение.

С моста она свернула налево и поехала по пустынной набережной, к золотому куполу храма, в соседнем здании с которым находилась её родная квартира. Памятник Крузенштерну на набережной, с сурово скрещенными руками на груди словно проводил машину глазами, спрашивая при этом «Почему так поздно?». Катя махнула на него рукой и завернула во двор своего дома. Через минуту она уже была дома, прошла на цыпочках через кухню, чтобы не разбудить родителей, и повалилась на диван.

Глава 9

Солнце вставало над Парижем. Густые, осязаемые лучи нежно пробуждали город. Первым откликнулся собор Сакре-Кёр – его купол, нестерпимо белый в утреннем свете, подал знак остальному городу. Эйфелева башня словно бы потягивалась, разминая и грея на солнце затёкшие, слегка поржавевшие балки. Химеры с Нотр-Дам с подозрением следили за плавающим диском, всё больше и больше поднимавшимся из-за домов. Прокатные велосипеды, примагниченные к своим стойкам, потертые и заезженные, но все ещё чистые сердцем, ждали своих первых седоков, и роса согревалась на их пластиковых сидениях. Ручейки, вырвавшиеся из брюха зелёной поливальной машины с надписью Propriete a Paris, теперь радостно журчали по мостовым Монмартра, омывая столетние камни и покрышки припаркованных автомобилей, и скрывались за канализационной решёткой у Мулен де ля Галетт. Клошар, потягиваясь, вылез из груды тряпья и полиэтиленовых пакетов, составляющих его жилище, и занялся ревизией пожитков. Официанты в белых рубашках у кафе курили по первой утренней сигаретке и приветствовали знакомых на улице. Ранние туристы организованными стайками стекались к Лувру и занимали место в очереди на вход и лишь после этого давали волю чувствам, с разинутым ртом разглядывая голубое небо, преломляющееся сквозь фасеточные стекла пирамид. Аромат свежей выпечки вытекал из булочной на улицу Фобур-Монмартр, совсем недалеко от Jeff, и распространялся дальше по городу, источаемый теплыми ещё багетами под мышками парижан. Данила проснулся.

Не открывая глаз, он перевернулся со спины на живот, сгрёб подушку под головой. Привычно протянул руку к соседней подушке. Почувствовал её прохладу и, наконец, открыл глаза. Он был в постели один. Кати рядом не было.

Даня снова перевернулся на спину, потянулся, со скрипом суставов и непроизвольным кряхтением. Свет, отразившись от всевозможных уличных поверхностей, проникал в комнату, и её белые стены в свою очередь отражали его в глаза еле проснувшегося молодого человека. Он задрал голову, утопив затылок в подушке, и посмотрел на фотографию Эйфелевой башни, висевшей над изголовьем. Вверх ногами она напоминала бокал для мартини.

Он сел на кровати. Он боялся делать резкие движения, они могли всё испортить. Был порыв выскочить в одних трусах на балкон и заорать что-то восторженное – но нет, Даня подавил его, сочтя ребячеством. Лучше тихонько встать, чувствуя, что матрас под ним принимает свою изначальную форму и словно подталкивает его, и подойти к балконной двери, приоткрыть её лишь на небольшую щёлку, чтобы запустить свежего воздуха, и просто поглядеть вокруг. И самое главное – ни вслух, ни мысленно не произносить этого пошлого, банального слова: «счастье».

Когда момент волшебства прошёл, и к нему вернулась дневная резвость мысли, он отправился в ванную. Принял душ, затем почистил зубы, отвлекаясь на вид из маленького окошка. Оно выходило в узкий и грязный двор-колодец. Совсем как дома.

Завтрак был накрыт на первом этаже – вернее, на нулевом, rez-de-chaussée – именно так расшифровывалась аббревиатура RC на кнопке в лифте. В комнате рядом со стойкой консерва были плотно расставлены столы, каждый с четырьмя стульями и четырьмя комплектами континентального завтрака. Круассан, pain au chocolat, джем и сливочное масло. На буфете – кофе в кофейнике и апельсиновый сок в стеклянном кувшине. На маленьких тарелочках – свеженарезанные ломтики ветчины, колбасы и сыра, жареные сосиски и грудинка, сочащиеся жиром, а также мюсли, которые всё равно никто никогда не ест – не для того в отпуск ехали.

Когда Данила спустился, за одним из столов уже сидели два человека, грузная женщина средних лет с опасливым взглядом и девочка лет двенадцати, мрачно жующая круассан, мать и дочь. По их негромким репликам он понял, что они тоже русские и громко пожелал

им доброго утра. Девочка чуть не поперхнулась, женщина вздрогнула и, не посмотрев ему в глаза, ответила что-то соответствующее испуганным голосом. Данила мысленно пожал плечами и пошёл наливать кофе.

Если бы он обладал большим опытом путешествий, он бы знал, что русские терпеть не могут встречать своих соотечественников в других странах. Сложно сказать, с чем это связано. Находясь за границей, русские вообще не любят признавать то, что они – русские. То ли дело в робости, чувства неполноценности перед европейцами, боязни опозориться у них на глазах. Страшнее этого может быть только опозориться на глазах соотечественника.

Наконец с завтраком было покончено, Данила ненадолго заскочил в номер, чтобы собраться, и вскоре вышел на улицу Richer, которая постепенно становилась знакомой. Вместо плоского, грубо намалёванного задника, призванного изображать «типичную парижскую улицу», проступала наконец улица настоящая, объёмная, с трещинками на штукатурке и окурками на тротуаре, со своими звуками и запахами, а главное – с живыми, спешащими куда-то пешеходами. Путь, связывающий гостиницу и станцию метро Cadet, который так озадачил его в первый день, сегодня занял минут пять быстрого шага. Даня спустился по лестнице в метро. Обратиться к кассирше он почему-то постеснялся, а потому обратился к беспристрастному автомату по продаже билетов. Автомат ему даже понравился – устройство с потёртыми, металлически лязгающими кнопками и современным цветным дисплеем пришло, казалось, из старых фантастических фильмов, изображающих будущее в 2001 году. Разобравшись, он смог приобрести carnet – комплект из десяти билетов, и отправился к турникету. Когда серые пластиковые створки распахнулись перед ним, и Даня начал движение, сзади к нему вдруг прильнуло чьё-то тело и настойчиво, но не грубо подтолкнуло вперёд. От неожиданности он послушно прошёл сквозь турникет, и лишь тогда увидел стройную невысокую брюнетку, которая тут же побежала дальше с хихиканьем и лишь бросила на бегу жизнерадостное «Merci!». Даня тоже рассмеялся и подумал: «Ну вот и сделал доброе дело, провёл безбилетницу в метро».

Даня спустился белым кафельным коридором на платформу. Над платформой висело табло, которое показывало, сколько секунд осталось до прибытия поезда. «Забавно, у нас в Питере табло показывает, сколько времени прошло после прибытия последнего поезда. Может, в этом можно поискать корни русского менталитета, особенность мышления?» Однако от этих поисков пришлось отвлечься, потому что на станцию пришёл поезд, в полном соответствии с показаниями табло. Уже приобретённый опыт подсказал Дане, что для того, чтобы открыть дверь, нужно открыть защёлку на ней, но всё же опыта оказалось недостаточно для того, чтобы сообразить, что делать это лучше правой рукой – когда он сделал это левой, резко открывающаяся дверь больно ударила его по ладони.

В вагоне он занял место у противоположных дверей. Проехать нужно было пять остановок, до станции «Palais Royal – Musée du Louvre». Даня начал сочинять пост в блог:

Парижское метро

Станции метрополитена – однообразные, отделанные белым глянцевым кафелем. Отличить их друг от друга можно лишь по табличкам с названием станции на тёмно-синем фоне и, при наличии определённого опыта, по набору рекламных плакатов на стенах. Поезда белого цвета с бирюзовыми полосками, украшенные эмблемой парижского метро – схематичным изображением Сены, которое подозрительно похоже на силуэт чьего-то лица в профиль. Перед прибытием на станцию женский голос объявляет её название. Два раза, и в первый раз с какой-то неуловимо вопросительной интонацией, а во второй уже утвердительно, с удовлетворением – «Pyramides? Pyramides». Поезда передвигаются на резиновых колёсах, что вроде бы снижает шум, но из-за извилистости

туннелей и приличной скорости нужно судорожно хвататься за поручни, а поскольку станции располагаются очень близко друг к другу, в пределах одной минуты езды, то приходится постоянно держать руку на пульсе, чтобы не проехать нужную. Нет здесь этого томительного, сжимающего сердце, вневременного существования в переездах питерского метро

Парижское метро деловитое, оно техничное и потому скучное. И именно поэтому смотреть здесь можно только на людей. Если хотите увидеть настоящих парижан, спуститесь вниз и проведите пару часов в радужном лабиринте метрополитена.

В поезд зашёл некто, по виду – клошар. Во всяком случае, одет неопрятно, лицо грязное и небритое. Но одежда не лишена элегантности. Например, на шее небрежно повязан шарф. Так вот, поезд тронулся, от толчка клошар пошатнулся (не исключено, что он был слегка пьян), схватился за столбик посреди вагона и по инерции обернулся вокруг него. Это было так изящно, словно бы они специально задумал совершить пируэт, чтобы поразвлечь пассажиров. После этого он, все с тем же исполненным достоинства видом, уселся на сиденье.

На следующей станции в вагон зашло довольно много людей. В проходе стоял слепой мужчина и держался за поручень. Другой пассажир пытался протиснуться и довольно грубо сдёрнул руку слепого, потому что она мешала ему пройти. Когда же он увидел, что этот человек слепой, он несколько раз извинился, очень искренне и проникновенно. Слепой ответил: «Ничего страшного, месье, я тоже прошу прощения за то, что помешал Вам».

А вот и моя станция.

Даня вышел на поверхность и сразу окунулся в водоворот туристов. Они шуршали картами, щёлкали фотоаппаратами и галдели на всех языках. Лувр, как бурая губка, впитывал в себя своими широкими порами эту разноцветную толпу под снисходительными взглядами каменных статуй на фронтоне. Лувр заманивал к себе обещанием какого-то волшебства, и пройдя сквозь узкую арку, Даня увидел стеклянное чудо – ту самую пирамиду. Она вызывает много споров, кто-то говорит, что она портит лик Парижа, кто-то просто считает её безвкусицей. Но солнце ласкало её гладкие поверхности и отражалось от её граней, а сквозь её воздушное тело был виден всё тот же Лувр напротив – но теперь он беспрестанно искажался и менялся, и казалось, что каменный дворец, разлётшийся вокруг, является лишь наивной человеческой попыткой воссоздать, скопировать те невозможные, пластичные стены, стены идеальные, скрытые в глубине стеклянной гробницы.

Вход в музей находился тоже в пирамиде. Данила пристроился в хвост очереди из переминающихся с ноги на ногу туристов и их отчаянных детей, чересчур живых и свободолюбивых, чтобы не воспользоваться этим огромным пространством, открывающимся перед ними, для бега. Дети носились между взрослыми, убегали и догоняли, прятались за ногами взрослых и с залихватским визгом выскакивали из-за них, как из засады. Взрослые, кто с раздражением, а кто с философским спокойствием, высматривали в мельтешении детских рук и ног своё любимое чадо, и звали их к себе. Забавно было слышать эту многоголосицу, в которой каждый говорил на своём языке, но по сути одно и то же: «Осторожно, не упади! Иди сюда, скоро наша очередь».

Очередь двигалась довольно быстро, и ближе к её концу Даня разглядел, что это очередь не к кассам, а к рамке металлоискателя. Некоторых женщин охранники заставляли потрошить свои сумочки, мужчин налегке пропускали взмахом ладони. Даня тоже прошёл быстро, металлоискатель не издал ни звука, и охранник сопроводил неуверенное движение Дани дежурным «Merci» и повернулся к следующему посетителю. Даня зашёл внутрь пирамиды и спустился вниз на эскалаторе. Остановился среди гомона туристов, снующих между стойками информа-

ции и кассами, задумчиво взял схему музея на русском языке. «Так зачем я здесь?» – подумал он.

Разумеется, Лувр – это жемчужина Парижа, галочку о посещении которой должен поставить каждый уважающий себя турист. Однако Данила себя туристом не считал, до такой степени, что безуспешно пытался выдумать какой-нибудь термин, противоположный этому. Он отдавал себе отчёт, что приехал в Париж с совершенно другой целью, знакомиться с живым городом и его жителями, не с потасканной взглядами стариной. Разумеется, Лувр всё же необходимо было посетить, но он не стоял на первом месте в списке приоритетов. Что же заставило его примчаться сюда ни свет ни заря, на второй же день пребывания в городе? Разумеется, женщина. Загадочная (или просто наводящая на себя загадочность) девушка, которая столь опрометчиво пригласила его в эту сокровищницу мировой культуры. Но где же её искать? «Ну что ж, *cherchez la femme*», – подумал Даня. «Начнём с той женщины, которая уж точно находится здесь. И найти которую не должно составить труда».

Даня вошёл в ярко освещённый зал. По стенам располагались картины, размеры и роскошь красок которых поражали и заставляли чувствовать себя маленьким, даже ничтожным, и при этом до невозможности бесцветным. Однако он понял, что такое чувство постигло только его одного. Остальные посетители не обращали внимания на эти гигантские полотна, а если и взглядывали, то лишь украдкой, для того только, чтобы убедиться, что цель их поисков находится не здесь, и продолжить движение вперёд. Даня со вздохом присоединился к этому движению, поскольку стоять на месте в таком потоке было невозможно.

Люди проходили в следующий зал, облепленный такими же поражающими воображение картинами, как гигантский конверт – гигантскими же марками. Однако люди игнорировали и их, проходили дальше, вливались в почти неподвижную, лишь слегка колыхающуюся толпу, обступающую невысокий деревянный поручень. Он полукругом огораживал стену, по центру которой за толстым слоем стекла находился желтовато-чёрный прямоугольник небольшого размера. Протиснувшись сквозь толпу, насколько это было возможно, и, приглядевшись над головами и плечами тех, чьё сопротивление преодолеть не удалось, Даня с удивлением обнаружил, что этот невзрачный прямоугольник и есть та картина, к которой он направлялся.

Мона Лиза.

Правда, французы предпочитают называть её вторым именем – Джоконда, *La Joconde*.

Улыбка

Она улыбается. Вот уже полтысячелетия она отвечает еле уловимой улыбкой на восхищённые взгляды. Сколько таких взглядов было за всё это время – может ли их сосчитать эта женщина, удивительным образом сочетающая в своём облике кротость и чувство собственного достоинства?

Женщина уже, разумеется, немолода. Возраст даёт о себе знать. Мелкие трещинки покрывают безбровый лоб и полные щёки. Правая рука будто бы разминает левую, затёкшую от долгой неподвижности. Да и во взгляде, том самом всё понимающем взгляде чувствуется усталость. Чёрт его знает, может, виновато большое расстояние между нами или какое-то преломление в пуленепробиваемом стекле, но кажется, что она даже немного побаивается собравшейся вокруг неё толпы – этих однообразных лиц без выражения, не задающих вопроса, но тоскливо ждущих ответа. Кажется, что ей стало тягостно это внимание. Возможно, она даже скучает по тем годам, которые она провела в чемодане, после того как её выкрали из музея в 1911 году. Тогда она была наедине с собой.

Кстати, любопытный факт для общего сведения. В рассказе Рэя Брэдбери под названием «Улыбка» описывается, как люди из опустошённого и одичавшего будущего разрывают «Мону Лизу» на части, просто из ненависти к цивилизации, и мальчик, главный герой, успевает спасти лишь кусок холста с той самой улыбкой. Так вот, на самом деле «Мона Лиза» нарисована на доске.

Сказать по правде, картина разочаровывала. Во-первых, она казалась чересчур маленькой. Решение повесить её на совершенно пустую стену было неудачным. Да и сравнение с размерами других картин вокруг тоже усиливало эффект. Во-вторых, из-за толпы и большой дистанции до неё (вплотную не подпускают охранники) разглядеть её толком не удавалось, да к тому же раздражали острые локти и сопение соседей. В каком-то смысле «Мона Лиза» действительно оставалась загадкой.

Данила выбрался из толпы и увидел, что чуть поодаль, у стены, стоит Лена. Видимо, она заметила его раньше и теперь с интересом за ним наблюдала. Она была совершенно не похожа на картину, но всё же улыбка на её губах чем-то напоминала только что увиденную. Такая же чуть отрешённая, чуть заговорщицкая и с лёгким налётом надменности.

На ней была всё та же полуармейская куртка и кеды. Веснушки на носу казались ярче в этом освещении, а волосы на этот раз были небрежно заплетены в толстую косу за спиной, так что выбивающиеся из неё волоски образовывали какое-то подобие полупрозрачной ауры вокруг головы. Её глаза были серого цвета, вчера он этого не заметил.

– Вот видишь, я же знала, где тебя найти, – сказала она, когда Даня подошёл ближе.

– Ну да, все туристы предсказуемы.

– Спасибо хоть, что на Эйфелеву башню не полез. Её бы я точно во второй раз не выдержала.

– А что, так ужасно?

– Да нет... Не знаю. В принципе, можешь и сходить. Просто я уже вошла в роль парижанки. Ну что, пошли?

Она развернулась, и подошвы её кроссовок взвизгнули на паркете. Она пошла к выходу из зала, он последовал за ней.

– Кстати, меня Данила зовут.

– А меня Лена, приятно.

– Так ты парижанка?

– Ну как тебе сказать. Пока только учусь. – Хриплая интонация в окончании фразы навела на мысль, что за ней последует ещё одна, её объясняющая, однако вместо этого Лена замолчала, взглянула на него немного исподлобья и легко мотнула головой, стряхнув зацепившуюся за плечо косу вдоль спины. Движение это было небрежным и элегантным, и хотя не проясняло смысла фразы, побуждало к продолжению беседы.

– Вот как. И давно учишься?

– Месяц или полтора, уже сбилась со счёта.

– А чем ты тут занимаешься?

Лена неопределённо пожала плечами. На Даню она не смотрела, и лишь рассеянно улыбалась, поводя взглядом по полотнам вокруг. Даня чувствовал странную робость рядом с ней. Будто бы он сидел перед экзаменатором, который слушал его с усталым и немного ироничным видом, и было не понятно, доволен ли он ответом студента или, внезапно прервав его властным движением руки, отправит на пересдачу.

Они вышли из зала и пошли по коридору. Лена шла впереди, засунув руки в карманы джинсов. Даня поспевал за ней и всё никак не мог приноровиться к её шагу. Шагала она на удивление быстро.

– Ну что, как у парижан принято гулять по Лувру? Наверно, сейчас нам придётся пробежать за десять минут через все залы?

– Я думаю, нет. Сейчас нам придётся выйти отсюда и выпить где-нибудь кофе.

– Так мы что, уходим? – Даня остановился.

– Ну да. Подумай, разве это не шикарно? Прийти на пять минут, посмотреть на «Мону Лизу» и уйти. Сразу видно, человек знает, чего он хочет.

Стараясь не думать о том, говорит ли она всерьёз или валяет дурака, Даня посмотрел в окно. За окном была Триумфальная арка Каррузель, сад Тюильри и автобус, который высаживал на тротуар очередную партию туристов. Жёлтый песок дорожек в саду, зелень газонов, голубое небо и пронзающая небо Эйфелева башня, выглядывающая из-за домов, привлекали гораздо больше, чем залы музея, в которых слишком отчётливо ощущалось несоответствие застывших в вечности лиц на холстах и лиц туристов, хаотично перемещающихся по коридорам – их лица хоть и были мимолётными и потому свободными в своём выражении, но всё же не поражали разнообразием эмоций. Все они, за исключением лишь детских личиков, не научившихся ещё скрывать истинные чувства, выражали ту эмоцию, которую от них ожидали – восторг, даже благоговение.

Разумеется, и на улице были такие же люди, но всё же несравнимо большие пространства, наполненные свежим воздухом, и главное – небо, безграничное небо, снижали концентрацию людей, и дыхание от этого становилось свободнее.

– Знаешь, в любом музее мне больше всего нравится вид из окна.

Глава 10

Яичницу она обычно посыпала сушёным укропом. И сейчас Катя взяла щепотку из надорванного пакетика и покрошила её в ещё не успевший помутнеть белок на сковородке. Хорошее начало неспешного завтрака в доме, знакомом с детства.

На работу только к вечеру, родители ушли – в родной квартире лишь она сама и тишина, в которой воскресают детские воспоминания. Стены вокруг – единственные, которые она может назвать своим домом. Если выйти из парадной и пересечь небольшой дворик, можно через арку выйти на набережную лейтенанта Шмидта – место, где бушуют морские ветра и плещет беспокойными волнами Нева, отражая собой низко нависшее небо; место, где швартуются морские лайнеры, привозящие с собой иностранных туристов – пожилых женщин и мужчин в серых ветровках и кепках и с немного растерянными улыбками на лицах. По сравнению с этой атмосферой Финского залива тепло и уют квартиры казались неоспоримыми. Выход отсюда воспринимался как подвиг. И на протяжении более двадцати лет Катя совершала этот подвиг и шла по продуваемой ветром набережной – сначала в школу, потом в университет. И каждый раз ей не терпелось войти в родную парадную, подняться на два пролёта узкой лестницы и попасть в квартиру, в которой каждая мелочь, каждая безделушка и каждая складка тюлевой занавески были наполнены смыслом, в отличие от бессмысленности улицы.

Всю свою жизнь она прожила в этом доме – не считая последних нескольких лет. И как всегда бывает в таких случаях, глядя на квартиру сегодняшнюю, она видела всё то, что происходило здесь за эти годы. Сквозь новый ремонт, сквозь свежую мебель из «Икеи» проступала история. Слова, которые произносились, шёпотом или криком. Люди, которые приходили сюда, сидели на диване, пили чай и больше не возвращались. Старые вещи – кружки, тарелки, телевизоры, куртки, зеркала – испорченные, разбитые и отправленные затем на помойку. Даже новогодняя ёлка, которую ставили всегда в один и тот же угол – несмотря на своё физическое отсутствие, она всё равно отбрасывала мимолётную тень на жёлтый паркет. Всё это до сих пор было здесь, но нужно было обладать серьёзным опытом, чтобы увидеть это.

Здесь были детские дни рождения, с подарками и визжащими подружками. Здесь были занозы от пола (до того, как папа покрыл паркет лаком) и была мама, достававшая их проспиртованной булавкой и смазывающая саднящую пятку йодом, были слёзы и обещания «подуть». Здесь были папины и мамины друзья, сидящие за столом и обсуждающие политику, цены или начальство – словом, что-то настолько неважное и скучное, что маленькая Катя начинала зевать у мамы на коленях, и тогда та относила задремавшую дочку на кровать и укрывала тёплым кусачим пледом. Были куклы Барби, которые со временем переехали в кладовку, а потом – к другим маленьким девочкам, и были постеры Placebo и Radiohead, появившиеся после исчезновения кукол. Были лихорадочные сборы на дачу, рюкзаки, кастрюли, грабли и пластиковые баночки с рассадой – всё это было свалено у выхода, чтобы не забыть, а за окном, во дворе уже фыркала папина белая «Нива». Был мальчик по имени Гриша, одноклассник, который держал за руку, водил в кино, а потом, сутулясь, сидел на этой самой кухне и пил чай под присмотром мамы. И потом, уже в выпускном классе, когда родители уехали на дачу без Кати, он был у неё в гостях и остался на ночь.

Тогда Катя проснулась пораньше и на цыпочках пошла на кухню, готовить завтрак. Она чувствовала себя совсем другой, взрослой и серьёзной. Гриша ещё сопел на широкой родительской кровати, Катя хотела позаботиться о любимом человеке и жарила ему яичницу. И, как всегда делала её мама, она взяла с полки сушёный укроп. Наконец, Гриша вышел на кухню, смущённо дёргая за резинку трусов, уселся за стол. Смотреть друг другу в глаза они стеснялись. Однако Кате казалось, что теперь их соединяет невидимая нить, которая шла по кухон-

ному столу, лавировала между тарелками, солонкой, кружками с дымящим чаем – и останется между ними навсегда.

Их роман развивался по типичному сценарию романа между одноклассниками. Общие интересы, общие планы – всё это не имело значения, важна лишь была принадлежность друг другу, ладошка в ладошке, её рюкзак на его плечах. Класса с седьмого они стали неразлучны. Гриша провожал её после школы до парадной и ждал во дворе, пока она не помашет рукой из окна. Он водил Катю в кино и покупал там попкорн. Они вместе ходили на каток на Крестовском острове. Когда после катания они спускались на эскалаторе в метро, разгорячённые и счастливые, Гриша неожиданно притянул её к себе и впервые поцеловал, не в щёку, а сразу в губы. Когда Катя вернулась домой, она села на кровать и расплакалась.

В классе их отношения воспринимались с уважением. На фоне прочих несчастных влюблённостей, неизбежных в этом возрасте, их союз выглядел солидным и взвешенным. Классная руководительница наотрез отказалась посадить их за одну парту, и поэтому Катя, круглая отличница, сидевшая за первой партой, могла лишь спиной чувствовать присутствие любимого. На выпускном они стояли в обнимку на носу теплохода, медленно плывущего в сторону разведённого Дворцового моста, и кричали что-то радостное, и крик их отражался от воды, от сонных фасадов дворцов на набережной и улетал вверх, в небо.

Проблемы начались после окончания школы. Катя поступила на филфак, Гриша – на мат-мех. И хотя вечера они, как и прежде, старались проводить вместе, в них обоих нарастало ощущение шаблонности, неискренности. Новые занятия, новые знакомые вставали между ними. Катя с ужасом поняла, что их отношения по большей части основывались на учёбе. Раньше они помогали друг другу с уроками, он ей – с алгеброй, она ему – с иностранным языком. Теперь это было не нужно, и уроки свои они делали сами. Копилась усталость, раздражение. Обидевшись на какую-то ерунду, Гриша уехал на дачу с друзьями без неё. Она в отместку поехала с родителями на свою дачу – кстати, родители, которые были не в курсе душевных переживаний дочери, весьма удивились её проснувшемуся интересу к копанию грядок. По возвращении Катя и Гриша встретились в кафе на 7-й линии. Должно было состояться примирение, однако Гриша, сначала заикаясь, но потом взяв себя в руки, признался, что изменил ей. Катя разрыдалась, хотела влить ему пощёчину, но – удивительно, она боялась сделать ему больно. Спустя неделю она простила его, что, кажется, стало большим сюрпризом для него. В любом случае это уже ничего не могло изменить. Их отношения завяли. Холод его руки пугал её, она боялась его прикосновения. Вскоре, в ходе сухой sms-переписки было принято решение расстаться. Катя прорыдала всю ночь, а когда утром вышла на кухню с распухшим лицом, увидела, что мама жарит яичницу. Мама обняла дочку, и та снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую укрывают пледом – тёплым и кусачим.

Яичница пригорела – и в воспоминаниях, и наяву.

Теперь, как и тогда, Катя была одна, на родительской кухне – и это ли не лучшее место на свете? От Гриши осталась навеки прилипшая, несмываемая тень на стене и магнитик на холодильнике из Греции, куда он ездил вместе с родителями в девятом классе – кстати, почему она до сих пор его не выкинула? От Дани же не осталось ничего, потому что он здесь никогда не бывал, но мозг послушно рисовал его силуэт на стуле и примерял к нему тень первой школьной любви.

За завтраком Катя открыла родительский ноутбук – дурная привычка, за которую её отчитывал Даня. Поэтому так она поступала только в минуты полного одиночества, подобно коту, усвоившему, что залезать на стол нельзя только в присутствии хозяев. Вчерашние приключения вызвали у неё желание срочно прикоснуться к жизни других людей. Она посетила все соцсети, в которых была зарегистрирована, проштудировала твиттеры и живые журналы знакомых, разглядела во всех подробностях фотографии, выложенные ими на всеобщее обозрение. Она удовлетворяла жажду событий. Ей хотелось знать, быть абсолютно уверенной

в том, что мир вокруг не остановился, что он продолжает вращаться, как и всегда. Кто-то вернулся с рыбалки и хвастался теперь уловом, кто-то посетил модный клуб, игру в мафию или концерт в Ледовом, кто-то просто погулял по городу. В любом случае, жизнь кипела, бурлила, выплёскивалась через край, и так соблазнительно было погрузиться в эту кастрюлю, приобщиться к всеобщему – банальному, мечтательному, восторженному, циничному, пошлому – существованию.

Заметила она и записи Данилы в блоге. Пробежала глазами, не вникая в суть, и всё равно услышала его голос, а вместе с ним упрёк и что-то, похожее на нравоучение. Эти же нотки нравоучения Катя слышала и раньше, в разговоре с ним, и, в зависимости от настроения, они либо чуть-чуть раздражали, либо вызывали чувство гордости, когда при этом присутствовали другие люди. Легко гордиться любимым человеком, которого считаешь умнее себя, но легко ли его при этом терпеть?

Катя открыла свою почту, на которую никто никогда не писал. Там было письмо от Дани. Увидев его имя, увидев первые строчки письма («*Катя. Ну вот я и уехал.*»), она испытала невероятную свободу, которая заключалась в том, что она имела право закрыть при этом ноутбук, как закрывают надоевшую книгу – с силой, с выдохом, с облегчением. От удара кофе с молоком перелился через край, и бежевая лужица обняла подножие кружки. Вытерев её носовым платком, она подпёрла голову рукой и покосилась на окно. Собирался дождь.

Дождь шёл почти весь день. Он изо всех сил хлестал по городским стенам, по мостовым, по гулким крышам автомобилей. Водосточные трубы, захлёбываясь и клокоча, извергали воду, разбившуюся о поблёскивающие крыши. Лужи растекались по асфальту и пузырились от ударов капель. Капли били беспорядочно, не считаясь с потерями, каждой из них важно было лишь вымыть собой по песчинке, по микроскопическому камешку и унести их с собой в канализацию. Дождь хотел смыть этот город, утопить, втоптать его в грязь, из которой он возник так противоестественно, вопреки законам природы и здравому смыслу. Дождь хотел уничтожить эту досадную помеху между ним и землёй, возникшую так недавно, но вызывающую такую бессильную злобу природы. Вода в Неве, подобно сонному питону, продолжала невозмутимо наблюдать за происходящим, и хоть и лишена была отчаянности своих небесных собратьев, всё же не отказалась бы под шумок дотянуться до ног ничего подозревающих пешеходов и утопить их в своём ненасытном брюхе, рядом с их бутылками и жестяным банками. Но сил не хватало, бывшие наводнения, торжества мстительной природы, остались в прошлом. Выплеснув всю свою агрессию и убедившись затем, что город всё ещё стоит на месте, дождь словно бы смирился и перешёл в спокойную, даже немного нежную стадию, принялся убаюкивать город своим журчанием и ритмичным постукиванием по карнизам.

Под этот аккомпанемент Кате и пришлось вести занятие. По пути она попала под самый сильный разгул стихии (машину взять она не решилась, побоявшись напряжённого уличного движения будних дней), но, не имея возможности переждать непогоду под каким-нибудь козырьком, подобно другим находчивым прохожим, она бросилась вперёд и лишь благодаря этому не опоздала на занятие. Теперь она слушала успокаивающий шёпот дождя, теребила пуговицу на блузке и старалась не обращать внимания на холодящую сырость между пальцев ног, в промокших насквозь туфлях. Занятие шло вяло, не многие дошли до него, а те, кто всё-таки оказались способны на такой подвиг, теперь почивали на лаврах, их отсыревшие головы отказывались воспринимать *participé passé* глаголов третьей группы. Когда за окном показались первые лучи солнца, в них всё же проснулся энтузиазм, направленный, однако, вовсе не на указанную тему, а на скорейшее от неё избавление. Катя неожиданно для себя отнеслась к этому с пониманием и отпустила всех на десять минут раньше. Дождавшись ухода учеников, она собрала вещи и вышла на улицу, где смогла убедиться, что город всё ещё стоит

на своём месте, хоть и немного разбухший от воды, и испускает тонкие облачка пара, нагреваясь на солнце.

Памятуя свою утреннюю потребность в социализации, а также свои вчерашние относительные успехи в этом деле, Катя набрала номер Лизы. Была, разумеется, и третья причина для этого звонка, но Катя отказывалась себе в ней признаваться и решила обойтись нейтральной формулировкой «выпить кофе».

– Ох как мне плохо, – простонала Лиза, – Приезжай ко мне, сил нет куда-то идти.

Лиза жила на Петроградской стороне, на углу Большого проспекта и улицы Лизы Чайкиной. Такое соседство не могло остаться незамеченным. Лиза не знала точно, кто такая была Лиза Чайкина. На стене дома напротив висела мемориальная доска, которая могла пролить ответ на этот вопрос, но Лиза, будучи постоянно в состоянии суеты, вечно на бегу и куда-то опаздывая, забывала прочесть то, что на ней написано, а может, и вовсе не подозревала об её существовании, хотя жила здесь всю свою жизнь. Впрочем, люди более последовательные, найдя в Интернете изображения настоящей Лизы Чайкиной, не могли не отметить определённое внешнее сходство. Отношение настоящей Лизы к Лизе исторической менялось в течение этого времени. Жгучая ненависть и раздражение, вызванные различными вариантами одной и той же логичной шутки знакомых «Твоим именем улицу назвали?» уже к старшим классам сменились иронией настолько всепрощающей, что многие знали её именно под этой фамилией. Во всяком случае, знакомые музыканты оставляли ей проходки на концерты именно под этой фамилией. Лиза не возражала. «Уж лучше Лиза Чайкина, чем Лиза с Большого проспекта», – говорила она.

Она жила в большой трёхкомнатной квартире с родителями. Это её совершенно не смущало. Как известно, годам к двадцати молодые люди начинают тяготиться совместной жизнью с такими странными существами, как родители, и всеми правдами и неправдами стараются покинуть отчий дом, не считаясь с какими-либо трудностями. Они готовы ютиться в убогой однокомнатной квартирке (как будто склеенной из картона) где-нибудь в Купчино или терпеть соседей из пещероподобной коммуналки, которые и впрямь временами напоминают неандертальцев. Такие молодые парни и девушки готовы терпеть любую несвободу в бытовом плане ради свободы в возвышенном смысле.

Лизе такая блажь в голову никогда не приходила. Во-первых, она не испытывала никакого дискомфорта от родителей. Они сквозь пальцы смотрели на её суматошный стиль жизни. Мама, всё ещё молодая душой, даже поощряла её, убедившись перед этим, что Лизе хватает ума не влезать в совсем уж неприятные истории, и частенько составляла компании полуночным посиделкам на кухне, с кофе и сигаретами, по всей видимости, заряжаясь от них энергией юности. Папа же, интеллигентный мужчина невысокого роста, с густыми усами, скрывающими неуверенные губы, привык позволять женщинам в своей семье любые чудачества, что могли взбредить им в голову, оставляя за собой решающее право голоса в более важных вопросах. Вторая причина, по которой Лиза не хотела съезжать с этой квартиры, заключалась в самой квартире. Она утверждала, что переедет отсюда лишь к будущему мужу на Крестовский остров – или на Манхэттэн, как повезёт. В этом Катя её понимала. Любой человек, настроенный на восприятие суровой красоты Петербурга, пришёл бы в восторг от этого вида из окна. Её комната была угловой, одно окно выходило на бледно-зелёный дом с застарелой пылью в складках лепнины, а в другое окно был виден никогда не спящий Большой проспект, артерия Петроградки, неустанно несущая по себе эритроциты автомобилей, а также захватывающий дух рельеф из крыш, крытых ржавым железом и ощеренных зубцами дымоходов. По вечерам, в хорошую погоду, они тонули в лучах заходящего солнца медового цвета.

Катя вышла со «Спортивной», прошлась по Большому, купила по пути торт и вернула за угол, где скрывалась парадная. Поднимаясь по лестнице, ещё с третьего этажа, почувствовала запах пирожков и поняла, что торт был лишним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.